Уйти нельзя остаться

Автор:
Татьяна Гармаш-Роффе

Уйти нельзя остаться

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Эта книга не совсем обычная. Она состоит из моего романа «Уйти нельзя остаться» и из «виртуальной» части, которая размещается в интернете в виде блога, написанного одним из персонажей романа.

Блог – это замочная скважина в прошлое, в которую можно подсмотреть хорошо запрятанные секреты. Он помогает частному детективу Алексею Кисанову восстановить события далеких дней, но и не только: он раскрывает характер как самого блоггера, так и нескольких его бывших одноклассников.

К идее написать роман, включающий в себя виртуальную часть, меня подтолкнула любовь к игре множественными реальностями, которую я открыла для себя еще во времена работы над диссертацией по «Евгению Онегину» (и другим произведениям Пушкина). И устоять перед возможностью поиграть в нее я не могла! Мир вымысла, коим является художественная литература, перекликается с миром виртуала по своей фантазийной сущности, по возможностям мистификации, – и соблазн столкнуть эти два мира в одном произведении был очень велик.

В результате частью романа становится виртуал, где блог пишет персонаж романа, а комментарии оставляют самые что ни на есть реальные посетители, которые тем самым невольно становятся частью романа!

В то же время эта игра позволила мне развести два полярных по духу и мировоззрению мира, дав каждому собственную форму и собственное пространство.

На «роль» персонажа, ведущего виртуальный дневник, я пригласила Олега Хрусталева, журналиста из Нижнего Новгорода. Он мужественно взял на себя задачу создать в подробностях неприглядный характер блоггера и рассказать от его лица неприглядную историю. Эту роль Олег сыграл с большим мастерством, за что я приношу ему свою благодарность!

Адрес блога указывается по ходу развития сюжета. Для тех, кто не имеет доступа к интернету, распечатка с блога (без комментариев посетителей) дается в Приложении к роману. (Чур, не подглядывать раньше времени!)

Как в любом блоге, «висящем» в сети, любой посетитель может оставить там свои комментарии.

Татьяна Гармаш-Роффе

Уйти нельзя остаться

Кружит ночь из семейства вороньих.

Расстояния свищут в кулак.

Для отечества нет посторонних,

Нет, и все тут (…)

С. Гандлевский

Предисловие автора.

Эта книга не совсем обычная. Она состоит из моего романа «Уйти нельзя остаться» и из «виртуальной» части, которая размещается в интернете в виде

блога, написанного одним из персонажей романа.

Блог – это замочная скважина в прошлое, в которую можно подсмотреть хорошо запрятанные секреты. Он помогает частному детективу Алексею Кисанову восстановить события далеких дней, но и не только: он раскрывает характер как самого блоггера, так и нескольких его бывших одноклассников.

К идее написать роман, включающий в себя виртуальную часть, меня подтолкнула любовь к игре множественными реальностями, которую я открыла для себя еще во времена работы над диссертацией по «Евгению Онегину» (и другим произведениям Пушкина). И устоять перед возможностью поиграть в нее я не могла! Мир вымысла, коим является художественная литература, перекликается с миром виртуала по своей фантазийной сущности, по возможностям мистификации, – и соблазн столкнуть эти два мира в одном произведении был очень велик.

В результате частью романа становится виртуал, где блог пишет персонаж романа, а комментарии оставляют самые что ни на есть реальные посетители, которые тем самым невольно становятся частью романа!

В то же время эта игра позволила мне развести два полярных по духу и мировоззрению мира, дав каждому собственную форму и собственное пространство.

На «роль» персонажа, ведущего виртуальный дневник, я пригласила Олега Хрусталева, журналиста из Нижнего Новгорода. Он мужественно взял на себя задачу создать в подробностях неприглядный характер блоггера и рассказать от его лица неприглядную историю. Эту роль Олег сыграл с большим мастерством, за что я приношу ему свою благодарность!

Адрес блога указывается по ходу развития сюжета. Для тех, кто не имеет доступа к интернету, распечатка с блога (без комментариев посетителей) дается в Приложении к роману. (Чур, не подглядывать раньше времени!)

Как в любом блоге, «висящем» в сети, любой посетитель может оставить там свои комментарии.

Часть 1

Долгий путь в Москву

…В сексе люди как в смерти: нагими свет пришли, нагими и остались в решающий час. Стерлась с тела одежда, и была ли она от «Армани» или из китайской лавчонки – уже не вспомнить. Теперь важно только качество твоей кожи – неотъемлемой оболочки тела, которую ни за какие деньги не закажешь у лучшего кутюрье… Теперь не твои духи важны, а аромат твоего дыхания. И как пахнет твой пот, а не дезодорант. Вот это – подлинно. Ни один парфюмер в мире не подменит эти запахи.

И нечем тебе прикрыть свои недостатки и комплексы – ни модными часами, ни дорогой машиной… Сейчас ты равен себе, как в момент своего рождения, и тебе предстоит в этот миг заново начинать свою карьеру, если под ней понимать доказательство своей значительности. И здесь все зависит от всего, что есть ТЫ, а не…

Ох, как это нынче говорят в России?

…А не прибамбасы на тебе – вот как.

Об этом размышляла Лера, сидя в кресле и поглядывая на Данилу. Он спал на животе, простыня была почти отброшена, только прикрывала наполовину одну ягодицу да обвивала правую ногу. Тело его отливало ровным, золотым средиземноморским загаром, кроме тех мест, которые солнце не доставало под плавками. Светло-каштановые волосы вились на шее, и это было очень красиво, а лицо во сне казалось немного детским, несмотря на маленькую пижонскую бородку…

Лере исполнился сорок один год, но ее жизненный опыт до сих пор сводился к одной любви и к одному мужчине. Возможно, потому она теперь столь отчетливо и ново воспринимала то, что происходит с мужчиной и женщиной, когда их вдруг забрасывает друг другу в объятия. Ей хотелось это осмыслить, чем она и занималась, поглядывая на спящего Данилу.

Перед поездкой в Европу усердно наставляли Леру, основываясь на своем горьком опыте. Данила в соответствии с их рассказами был прямым кандидатом на роль курортного соблазнителя: красив, строен, любезен, хороший собеседник, в общении с которым возникает пьянящее чувство полного взаимопонимания… В общем, спасайся, кто может!

Но теперь она не сомневалась: он подлинный. Он казался тем, чем был, и был тем, чем казался. Об этом ей поведало каждое его прикосновение, каждый взгляд и каждый вздох.

Ей было очень хорошо оттого, что он находился рядом. И что в любой момент можно скользнуть под простыню и, обняв его, уснуть. А может, и не уснуть… Жалко терять мгновения такого блаженства, просто жалко. Ведь через два дня им расставаться…

Лера накинула халатик и вышла на балкон. Едва различимое в темноте, тихо посапывало во сне море. Отель еще спал, еще не началась предутренняя возня в ресторане, и садовники еще не вооружились шлангами для поливки пальм. Она постояла некоторое время, давая убаюкать себя теплой ночи, затем вернулась в комнату и скользнула под простыню.

Данила протянул руку. «Лерка… Сладкая моя…» Погладил ее и тут же снова уснул. Неудивительно – они полночи занимались любовью…

Некоторое время Лера еще размышляла, глядя, как колышутся в комнате ночные тени, – так, ни о чем. Скорее просто прислушивалась к удивительному блаженству, плескавшемуся нежной волной внутри ее.

Продолжения этому не будет, а жаль, жаль… Если б они жили в одной стране и в одном городе, то могли бы встречаться время от времени. Это было бы чудесно…

Кажется, такие отношения называются «эротической дружбой»? Во всяком случае, так называл это Кундера… Да только без разницы, как это называется, все равно они не живут ни в одной стране, ни в одном городе – они живут на разных континентах. Кон-ти-нен-тах!

Данила во сне повернулся к ней спиной, она обняла его, и тут же его тело подалось к ней, поудобнее устраиваясь в ложбинке ее тела, и она, уютно

засыпая, успела подумать: «Нет ничего честнее этого жеста. И неважно, как это называется…»

* * *

…Лера увидела его не сразу, только на второй день своего пребывания в клуб-отеле. Там – вот сюрприз! – оказалось неожиданно много русских. Хотя Лера и знала, что россияне уже освоили Средиземноморье, но никак не предполагала, что столь массово. Впрочем, сюда она за этим и приехала: посмотреть на них, бывших соотечественников. После двадцатитрехлетнего затворничества в США она к ним приближалась медленно и осторожно. И даже с некоторым страхом, пожалуй.

Именно по этой причине она не решилась поехать сразу в Россию. Предприняв путешествие по Европе, о котором давно мечтала, она запланировала закончить его отдыхом в Тунисе. В отдыхе она нуждалась, да, после всего того, что пришлось ей вынести за последние два года… Но больше всего ей хотелось посмотреть на своих сограждан. Издалека посмотреть, тайком, – подсмотреть! – прежде чем она решится поехать в Россию… Куда она съездить мечтала и боялась.

…О своей затее она пожалела в первое же утро. «Эа, мужчина!» – услышала она нетрезвую русскую речь, обращенную к официанту в баре. Молодой тунисец стоял спиной, готовя для кого-то кофе, – отель «все включено», напитки бесплатно и круглосуточно.

Лера посмотрела на говорящего. Он был изрядно пьян, хотя завтрак едва закончился, на часах одиннадцать. Ей стало так стыдно за бывшего соотечественника, что она отошла в сторонку, дождалась его ухода, а затем по-английски заказала чашку кофе – не желала иметь ничего общего с этим позорищем позорным, даже общий русский язык! Впрочем, персонал отеля все равно по-русски не говорил.

К ее большому огорчению, пьяный мужик оказался в отеле не один. На пляже обнаружилась компания человек из семи, и до Леры доносились их разговоры.

– Слышь, – говорила низкорослая женщина с круглым лицом, опухшим от алкоголя. – Как это в песне: «Речка движется и не движется…» У нее глюки, что ль?

– Не-е-ет, – отвечал ей толстый мужчина с мягким складчатым брюшком, – это у него! Он беленькой перебрал! Или нет, он обкурился!

Грохнул смех.

– А это вот, помнишь? «Смотрит искоса, низко голову наклоня»? Ты пробовал так? Пробовал? Нет? Ну попробуй! – Компания дружно принялась изображать указанное действие, давясь от хохота. – Ха-ха-ха! Наверно, это даун был!

– А давайте на байдарке! – внес кто-то предложение. – Надо ж как-то развлекаться!

– Не, лучше на катамаране! – ответила блиннолицая.

– А чо на байдарке не хочешь?

– Так там надо работать! Грести! А на катамаране сядем там себе, а инструктор ведет!

Лера сдернула с топчана свое полотенце и перебралась на дальний конец пляжа, где снова улеглась, подставив тело солнцу, и закрыла глаза, стараясь не поддаваться чувству брезгливости и острого сожаления о своем приезде в этот отель. Но это ее не спасло.

– А где эти? – раздалось у нее над головой.

– Лица моют!

«Раньше говорили «умываются», – удивилась Лера. – Моют – руки, а лицо – умывают. Неужели русский язык так сильно изменился за это время? Ну, всякие новые слова – это хоть как-то понятно. Но отчего изменились старые?» Лера приоткрыла глаза. Мимо нее шли разболтанной походкой двое, мужчина и женщина, опухшими лицами и плотными коренастыми телами похожие на

предыдущих.

– А чего это они? – заинтересовался мужчина.

– Ну, я им в номер позвонила, они спали, а теперь моют лица.

– Они чего, после обеда присели?

– Все после обеда присели! Ты как думал! Теперь вот кока-колу пьем, водичкой запиваем… А то ж до вечера надо дотянуть.

«Присели » – значит выпили», – догадалась Лера, и ей очень захотелось уехать отсюда. Но две недели были оплачены вперед, и позволить себе роскошь выбросить деньги на ветер она не могла. Она лишь твердо решила сделать вид, что никакого отношения к «этим русским» не имеет. В отеле знали, что она приехала из США, к ней обращались по-английски, – оставалось только сделать вид, что русской речи она вовсе не разумеет.

Не реагировать. Игнорировать.

Она перевернулась на живот и стала смотреть, как на волейбольной площадке играют под палящим солнцем какие-то сумасшедшие. Правда, они уже прилично загорели, и вряд ли им грозит ожог, но все же… Голоса до нее долетали смутно, она не могла разобрать слов и определить, к какой национальности принадлежали люди, но они были трезвыми, что уже радовало. Несколько силуэтов радовали глаз, ничего общего с низкорослыми, генетически мутировавшими алкоголиками, и Лера сочла, что это добрый знак. Она не позволит испортить себе отпуск!

Вечером на танцплощадке «мутантов» не было, к ее большому облегчению. Наверное, снова пили водку в каком-то из баров. Или уже напились и спят. Тем лучше!

Она присела за один из столиков, взяв коктейль. В центре площадки весело отплясывали три молодые женщины, позвякивая браслетами, – кажется, итальянки. Юбочки их поздно начинались и рано заканчивались, равно как

верхние узкие полосочки ткани, весьма условно прикрывающие грудь. Но после того как Лера увидела утром на пляже дам всех возрастов вообще без лифчиков, она уже ничему не удивлялась. «Европа! Не то что пуританская Америка… Хотя мы ведь почти на пляже, а в курортных городах даже в Америке… Ну, только разве топлес там не принят…

Тьфу ты, вот привязалось ко мне – сравнивать с Америкой! Для чего я здесь? Чтобы отдохнуть! И чтобы посмотреть на других. В том числе и на русских, да. Ну, не понравились они тебе, – и никогда не нравились пьяницы, – но ничего страшного в этом нет! Отдыхай, Лера! Иди танцуй!»

Она скинула с себя легкий жакетик, прикрывавший плечи, и осталась в тонком платье брусничного цвета на бретельках. Ринувшись в центр танцплощадки, как в морскую волну, она подхватила телом ритм и через минуту уже забыла обо всем. Она так давно не танцевала и так была счастлива ощутить музыку в себе… За последние годы, оказывается, она даже забыла, что отлично танцует, и сейчас не только ее тело, сплавившееся с музыкой, напомнило ей об этом, но и восхищенные взгляды публики.

И даже нагрянувшие под конец «эти русские», потребовавшие от музыкантов, уже зачехлявших инструменты, сыграть «Катюшу» и принявшиеся выбрасывать руки и ноги в стороны не в такт музыке, – даже они не испортили ей настроения. Здесь были пальмы, море, музыка, и гадкие пьянчужки не стоили того, чтобы обращать на них внимание. Вот так-то!

Разгоряченная танцем и восхищенными взглядами, она потом посидела еще немножко на террасе, вдыхая свежий воздух, настоянный на розах и водорослях, затем поднялась к себе в номер, где благополучно заснула крепким, здоровым сном.

А наутро снова сверкало море, благодарно возвращая солнцу его блеск, небо соперничало голубизной с водой, пальмы взрезали изнеженный воздух острыми жесткими листьями… Поглядев на это диво с балкона, Лера быстро собрала пляжную сумку и помчалась вниз. И даже приснившаяся плоская, как блин, пьяная рожа бабенки, требовавшей от музыкантов «Катюшу», и ее тряпичные руки и ноги, которые словно кто-то дергал за веревочки, – даже этот короткий ночной кошмар не поколебал ее решимости отдохнуть на все сто.

«На всю катушку», как говорят в России.

…Данилу она разглядела, когда шла мимо волейбольной площадки. Впрочем, тогда она еще не знала его имени. Она просто обратила внимание на хорошо сложенного, загорелого мужчину лет тридцати пяти. Хотя, возможно, его взрослила небольшая бородка… Он тоже мельком глянул на Леру, и ее поразила мягкость выражения его глаз. Это было необычно. Стройная фигура и весьма интересное лицо располагали к совсем другому взгляду – мужчины, как и женщины, наделенные природой привлекательной внешностью, обычно смотрят на других, с тем чтобы собрать лавры признания своей неотразимости. Этот же человек смотрел, словно и в самом деле интересовался другими людьми, – а не сбором впечатлений от своей персоны.

Разумеется, все это Лера просто ощутила, а не словами себе рассказала, – но необычное сочетание ей запомнилось, и два последующих дня она невольно выглядывала его в ресторане или на пляже – просто так. Заводить с ним знакомство она абсолютно не намеревалась – просто так, просто так, ну, сказала же, просто так !!!

К тому же он говорил по-русски, она – по-английски и выдавать свою национальную принадлежность ничуть не собиралась…

И все же они заговорили. На третий день, когда после обеда, в самую жару, она уединилась с книжкой в тени парка, на деревянной скамейке уже опустевшего кафе. Внезапно что-то заставило ее поднять голову. Он стоял недалеко от столика и смотрел на нее.

Лера опустила книгу. Сердце ее чокнулось с ребрами.

– Никогда бы не подумал, что вы русская, – произнес он по-английски.

Лера растерялась. Затем посмотрела на свою книгу. Это был русский роман, – Лера старалась жить в ногу с Россией и заказывала книги через интернет. Они далеко не всегда ей нравились, точнее, совсем редко нравились, но в них, даже в самых плохоньких, отражались новый русский менталитет и новая русская действительность, в которые Лера пристально вглядывалась, часто с недоумением.

– Я вас давно заметил. Вы говорите по-английски, и мне в голову не пришло, что вы можете оказаться русской… Не беспокойтесь, если это секрет, то я его не выдам!

Лера смутилась. Ей не хотелось, чтобы он подумал, что она просто дура, страдающая тяжелым приступом снобизма.

– Не то чтобы секрет… Просто я давно живу в Америке… Много лет не была в России. И сейчас, если честно, мне тяжело видеть, как…

Его понимающий взгляд располагал, и она пустилась объяснять: о пьяных мордах, о своем стыде.

– Может, это род патриотизма, не знаю, но ведь они представляют за границей Россию! Такое поведение совершенно безответственно, ведь оно порочит не только данных конкретных людей, но и всю страну! – Лера покраснела при мысли, что ее пафос вряд ли будет понятен незнакомцу.

– Данила, – произнес он. – Меня зовут Данила. А вас как?

– Вэлери… Валерия, если по-русски. Можно Лера.

– Так вот, Лера, я разделяю ваши чувства. Мне тоже стыдно, когда я вижу этих людей. И глаза иностранцев, на них устремленные. Согласен с вами: иностранцы судят по ним обо всех русских. Точно так же мы, увидев тупого жирного американца, судим обо всей нации. Совершенно несправедливо, но таков человеческий механизм восприятия чужестранцев. Довольно глупый, на мой взгляд. Но вам не стоит брать на свои плечи такой непомерный груз, как ответственность за всю нацию. Иначе он вас раздавит… А как вам тут, нравится?

Его английский был очень хорош, надо признать.

Как и он сам, надо признать…

Она плохо помнила, что было дальше. Они о чем-то говорили, причем долго, до самого ужина. О чем? Об Америке и России; о политике и политкорректности; о ценах на нефть и демократии; о семьях и детях…

Так она узнала, что Данила недавно пережил тяжелый, склочный развод. Так она рассказала, как почти два года дежурила у постели умирающего мужа.

Потом стало ясно, что и он, и она находятся на стадии выхода из тяжелого душевного кризиса. Приведшего к нервному истощению, что ударило по чувствам, вызвав в некотором роде душевную инвалидность, от которой хочется, конечно, оправиться, да, но не путем новых душевных затрат, нет… В силу чего ни он, ни она не готовы к новым эмоциям и переживаниям.

Проще говоря, оба дали понять, что роман друг с другом заводить не собираются. Только пообщаться, тем более что общение обещает быть весьма приятным!

Все честно, откровенно, все карты на стол.

Потом, вечером, Данила пришел на танцплощадку – из-за нее. Обычно он избегает такого рода развлечений, не умея танцевать, – так сказал он.

Лере было приятно это услышать. Значит, он сказал правду, и здесь он не в поисках легких побед, иначе бы танцплощадку не упустил!

Она вызвалась его поучить, и они весь вечер дурачились, наступая друг другу на ноги и толкая, в пылу освоения танцевальной премудрости, окружающих. И по взглядам, сопровождавшим каждое их движение, Лера поняла, что они отлично смотрятся вместе.

После танцев они еще полночи просидели на террасе, потягивая коктейли, и, расставаясь, чувствовали, что это почему-то трудно…

Следующий день был отмечен необыкновенной спортивной активностью. Лера никогда не увлекалась экстремальными видами спорта, но с Данилой она согласилась и на парашюте полетать, и на водном скутере покататься. Переполненная новыми ощущениями, среди которых было – пожалуй, главное! – удивительное доверие к этому едва знакомому мужчине (уж раз она с ним на парашюте отважилась!), Лера легко согласилась пойти поужинать с ним в город.

Свечи, экзотическая кухня, полумрак – и эти серые глаза с мягким выражением всепонимания. «Такие глаза бывают у святых, наверное», – подумала она с некоторым сожалением. Она, конечно, никаких видов на него не имела, но все же, все же… Святые не совсем в ее вкусе…

Однако недолго ей пришлось сожалеть. Вечер плавно перетек в ночь. Мартини на террасе гостиничного бара, снова разговоры, и уже рука в руке. А потом само по себе стало ясно, что было бы огромной глупостью, лицемерием и ханжеством разойтись сейчас по своим номерам.

«Как это по-русски называется… Курортный роман , кажется? – думала она, стоя под душем. – Да какая разница! – решила она, закручивая краны. – Пусть никак не называется. Этому названия вообще нет…»

Додумать сию глубокую мысль ей не удалось, потому что дверь в ванную распахнулась и Данила, отбросив в сторону полотенце, которое она едва успела взять в руки, схватил ее, мокрую, на руки и потащил на широченную кровать.

– Я не могу ждать, – говорил он, целуя ее куда попало, – не могу, Лерка, иди ко мне, иди, это какое-то безумие, я так хочу тебя, у меня сейчас сердце выпрыгнет…

…Расставались они трудно. Он приехал сюда на неделю раньше ее, и его срок уже подошел к концу. Автобус должен был забирать отъезжающих из отеля туристов через полчаса. Они говорили о всякой ерунде, о важном не имело смысла говорить, это всего лишь слова, названия и определения чувств, а какой смысл определять чувства, у которых нет продолжения? Разные континенты – это вам не разные улицы… Даже смешно говорить о серьезных вещах, потому что все закончится прямо сейчас, через несколько минут, оставшихся до отъезда.

– Напиши мне, что ты решила с Москвой. Если приедешь, я тебя встречу.

– Обязательно. А ты напиши, как долетишь. Я отсюда, из интернет-кафе, твое письмо прочитаю.

– Обязательно…

Она ткнулась ему в шею, куда-то под мягкую бородку. Так бы там и жила.

За спиной громко фыркнул автобус. Отъезжающие курортники стали подтягивать чемоданы.

– Иди, – отстранилась она, отпуская его.

– У меня только сумка, с собой возьму. – Он притянул ее обратно. – Подыши мне еще в шею…

Они стояли в стороне от автобуса, у пальмы, но на виду, а где еще стоять? На них посматривали. Русская мутант-бригада тоже покидала отель и даже была, кажется, относительно трезвой. Освободившись от чемоданов, они принялись изучать парочку, подталкивая друг друга локтями. Курортный роман не ускользнул от внимания обитателей отеля, да Лера с Данилой и не удосужились его скрывать.

– А американка-то небось с икрой уезжает! – хихикнула блиннолицая.

– Вот хорошо, больше наших, русских, в их Америке будет!

Лера не очень поняла, что имелось в виду, да и не хотелось понимать. Данила только крепче прижал ее к себе, будто хотел укрыть своим телом от пошлых взглядов и слов.

– Забудь о них. Это выродки, – шепнул он. – На самом деле таких мало. Это исключение, а не правило, поверь мне. Приезжай в Москву, сама увидишь. Приезжай, Лерка… К Москве и ко мне.

– Я напишу, Данила, напишу тебе. Мы не расстаемся, то есть не совсем расстаемся.

– Да…

– У нас есть интернет…

– Да…

– И по телефону можем говорить…

– Да…

– Отпускай меня, сейчас ребра хрустнут…

– Да…

До них долетел голос сопровождающего, просившего отъезжающих пожаловать в автобус.

– Иди. – Она вывернулась из его рук, поцеловала в губы и подтолкнула. – Иди же!

Он сделал несколько шагов, обернулся.

– Я никогда не знал, что так бывает, Лера…

И она не знала. Какое-то острие, тонкое и стальное, насквозь прокололо ей сердце. Было очень больно, очень…

– Я напишу тебе… – повторила она. Других слов не нашлось.

Она стояла, пока автобус не скрылся из виду, а потом наступила пустота. И Лера совершенно не представляла, как в ней жить.

…Она была влюблена только один раз в жизни: в мужа. И потом много лет осваивала непростое искусство принимать другого таким, как он есть. Они оказались очень разные с мужем, но это и нормально! Даже в книжках пишут, что именно на разности любовь держится. Что с человеком, похожим на тебя по складу ума и характера, тебе просто будет скучно. Ведь так?

Парадокс был в том, что с Данилой они оказались схожи в чем-то очень важном. У них мысли о жизни были похожие, они угадывали их с полуфразы. У них отношение к людям было похожее, и оттого каждый из них чувствовал другого, предугадывая еще не родившееся сомнение, ловя любую эмоцию еще на взлете.

– Я не очень понимаю классическую музыку, меня к ней не тянет, – говорил он.

– Она трагична по своей сути, она уводит за пределы жизни. Если любовь – так смертельная, если разговор – так с Богом, – говорила она.

– А вот джаз гармонизирует меня и мир, – говорил он.

– А джаз радостный, и в то же время он соединяет в себе многие важные вещи. В нем есть любовь и есть мысль, – говорила она.

– А вот всякие песенки я не особо слушаю. Слова у них обычно простые, как три копейки! – говорил он.

– Во-первых, не всегда, а во-вторых, под них танцевать можно! – возражала она.

Ну, надо же хоть в чем-то не совпадать!

– Я люблю детективы, а ты? Фантастикой увлекалась в детстве, теперь не тянет. А фэнтези совсем не понимаю: сказки для взрослых. Толкиен мне очень понравился в свое время, но Гарри Поттера не осилила, – говорила она.

– А я люблю и фантастику, и боевики, и детективы, – говорил он. – А из серьезной литературы… Я когда-то составил себе список из классиков – Шекспир, Бальзак, Хемингуэй и так далее, – которых необходимо прочитать. И всех прочитал, хотя заняло у меня это лет десять…

– У меня даже больше! Я не работала, была домашней хозяйкой – вот в свободное время и поглощала книги всех времен и народов!

– Знаешь, что я заметил? Что западные авторы только описывают то, что происходит с людьми, но редко объясняют, почему. А наши любят анализировать, покопаться в причинах, дать объяснение…

– Надо же, ты тоже об этом подумал! Мне всегда не хватало у европейских и американских писателей объяснений. Я все время спрашиваю себя мысленно, по мере чтения: «почему?» – но не получаю ответа, – отвечала она.

– И еще наши любят мораль почитать!

– Ох, не говори! Особенно Толстой! Я его недолюбливаю поэтому, хотя, конечно, великий писатель…

Казалось бы, что ей с того, что у них совпало несколько мнений? Ерунда, пустяк! Наверное, за ними было что-то другое, более важное. Эти слова оказались просто электронным кодом, взломавшим естественную защиту ее души, и в открытую словами-хакерами дверь вошла другая душа. И как это соединение оказалось сладостно!

И как оно оказалось коварно. Разделение сросшихся душ стало подобно убиению.

«Посмотри в иллюминатор , – написала она из интернет-кафе, когда стрелки часов достигли времени его отлета, – видишь? Там моя душа летит рядом. Прицепилась к крылу твоего самолета и летит, летит. А я тут осталась одна – без тебя и без души ».

Он позвонил на ее мобильный с бортового телефона, как только шасси коснулись московской земли.

– Лер, у меня такое чувство, что меня располовинили: одна половинка долетела, другая осталась там, с тобой, у тебя на хранении… Ты береги ее, ладно?

Через неделю и она вернулась домой, в Америку, и еще два месяца они переписывались и перезванивались. Интернет – виртуальное пространство, в котором сообщения с легкостью перемахивают через континенты, – казался Лере тем самолетом, который все летел и летел в пространстве, и ее душа все цеплялась за крыло, отчаянно заглядывая в овальное окошко иллюминатора, пытаясь разглядеть черты Данилы; он же, отправляя письмо, думал почему-то не об Америке, – он видел Леру так, словно она все еще стояла под пальмой, глядя вслед его автобусу. И выгоревшие пряди выбивались из хвостика на затылке, падая на глаза, а она их не заправляла, потому что они скрывали слезы…

…Что это – любовь? Влюбленность? Увлечение? Какие еще слова есть, чтобы назвать то, что с ней происходило?

Двадцать четыре года назад было все просто и ясно: словом «любовь» обозначались всяко-разные бурные чувства, в пьянящем букете которых был и такой неброский цветочек, как прицел на замужество. А как же иначе? В том возрасте ищут себе пару для того, чтобы создать семью. Выйти замуж, родить детей… Все дивные свидания, все биения сердца – все это было прелюдией к ней, семье! Она была целью и структурировала чувства, направляла все последующие шаги.

А теперь Лера растерялась. Детей ей уже не надо, замуж тоже. После долгого, очень долгого брака она свое неожиданное и непрошеное одиночество ощутила как свободу – и наслаждалась ею… Отчего влюбленность в Данилу поставила ее в тупик: ей хотелось его видеть, с ним быть, с ним проводить ночи, слушать его дыхание, да… Но жить с ним, заводить семью – нет. Для совместной жизни нужно куда больше, чем совпадение душ и тел! Куда больше, чем любовь…

Лерин долгий брак потому и оказался счастливым, что был постоянной работой, процессом взаимного приспособления, обоюдных усилий и шагов навстречу. Но сейчас она не чувствовала себя готовой к совместной жизни. Устала она от нее. И Данила, между прочим, тоже. Он пережил такой развод, что отдыхать от семейных отношений будет еще десять ближайших лет.

К тому же у них пять лет разницы в возрасте, как выяснилось. Внешне она не была заметна, Лере никто не давал ее возраста, но она есть, и надо смотреть на вещи трезво!

И живут они на разных континентах, между прочим…

Но тогда как? Как проводить с ним хотя бы время от времени ночи? Как хотя бы время от времени наслаждаться его обществом? Наш мир, с удивлением констатировала Лера, не знает никакой другой формы союза между мужчиной и женщиной, кроме семьи. И в нем нет места для непринужденных и свободных отношений. Не-ту!

«Эротическая дружба»? Но это тоже форма отношений, причем очень конкретная! Для этого нужно хотя бы жить в одном городе. И при этом неплохо бы заниматься каким-то делом. А если, допустим, она купит в Москве квартиру и будет в ней сидеть в ожидании их с Данилой встреч, то так она сойдет с ума! И он заодно тоже.

Может, все-таки поехать в Москву? А там осмотреться… Если понравится, то… тогда и подумать. Вариантов немало – например, открыть какое-нибудь свое дело в Москве… Деньги у нее есть, муж оставил ей вполне приличную сумму…

Ведь все началось именно с этого: с ее идеи съездить в Москву, найти старых друзей, посмотреть на дом, где жила раньше… Уловить запах детства. Америка так и осталась чужой, и теперь, после смерти мужа, ее там больше ничего не держало. И отчаянно хотелось в Россию. Да, отчаянно, если не лукавить с собой! И вся ее поездка по Европе, она была приближением, подкрадыванием к России. И ее отдых в Тунисе – тоже.

Где пьяные мутанты превратили образ призабытого Отечества в образину…

Но Данила ведь тоже представляет Россию! Даже его лицо – лицо сказочного русского витязя – вызывало в памяти какие-то виденные в детстве фильмы, отчего ее ностальгия сплавилась с любовью… Или наоборот?

…Так, может, все-таки поехать в Москву? Ну, хотя бы ненадолго, на разведку?

«Конечно, — писал ей Данила, – конечно, приезжай! Все увидишь своими глазами и тогда решишь, что делать дальше. А то ты словно страшилок насмотрелась и теперь боишься открыть дверь и выйти из комнаты. Не дрейфь, Лерка, если что, я тебя спасу ».

Он ни разу не попросил, чтобы она приехала ради него. Деликатность? Или?..

«Гостиница обойдется тебе слишком дорого, у нас непомерные цены в отелях. Если тебя не смущает мое общество, ты можешь остановиться у меня ».

«Я не хочу тебя стеснять », – отвечала она.

«У меня две комнаты, не стеснишь », – писал он…

Почему-то теперь, когда ее приезд оказался решенным и они принялись обсуждать детали, их общение приобрело некоторую напряженность. Спросить у Данилы, что чувствует он, она стеснялась. Да и хорошо бы сначала понять, что чувствует она, откуда взялся зажим. Курортный роман, как новорожденный

вулкан, потихоньку уходит под остужающие воды повседневности? Так ведь часто бывает, все говорят…

«Нет, – вдруг поняла она, – это другое. Это страх перед формой , которую неизбежно должны принять отношения. Жизнь в одной квартире, ее как-то надо устраивать! Вместе завтракать или по отдельности? Кто будет мыть посуду? Докладывать, куда пошла, или вечером каждый по себе? Совместную жизнь, пусть и ненадолго, надо организовывать… Это и есть форма . Конкретная, прописанная мелкими и реальными подробностями быта, разных привычек и особенностей характеров…» Где он будет курить? – Лера не выносит табачного дыма. Чисто ли у него в квартире? – Лера не выносит грязи. Какая у него стиральная машина? – Лера требовательна к качеству стирки…

А он, чего не выносит он?

Хорошо было в Тунисе. Жизнь в отеле пять звезд не содержит подробностей. Там не стоит вопрос о том, кто будет мыть посуду…

И Лера решила остановиться в гостинице.

Часть 2

Одноклассники

Чем больше приближался день отъезда, тем большее волнение охватывало Леру. В последние дни она ни о чем другом не могла думать, даже мысли о Даниле отступили на второй план. Въезд в Москву представлялся ей торжественным, как гимн Советского Союза, и праздничным, как марш Мендельсона. У нее заранее захватывало дух и мурашки шебуршились на затылке.

…И вот сидит она в машине, разглядывая Ленинградское шоссе, отмечает новшества, о которых, впрочем, наслышана, и ничего не чувствует. Ну, ровно ничего!

Ей почему-то стало неприятно, словно ее обманули. Столь долгой – длиной во много лет и множество сомнений – была дорога на родину! И нате вам, ни одной положительной эмоции, хоть самой завалящей…

– И тут «Макдоналдс», – произнесла она с легким раздражением, заметив знакомое лого.

Данила посмотрел на нее, словно хотел поймать выражение ее лица, и тут же отвернулся: надо следить за дорогой. Ленинградка была забита, особо прыткие пытались протыриться всеми неправдами, глаз да глаз.

Лера тоже посмотрела на него. Там, на белых пляжах Туниса, он был романтическим любовником из такой далекой и такой романтичной Москвы; здесь же, за рулем машины, он стал обычным москвичом, прекрасно вписавшись в интерьер загазованного шоссе с замызганными бордюрами. А она не вписывалась никуда. Она не была иностранной туристкой, готовой радоваться любой глупости, которую скажет гид; но она и не была россиянкой.

Точнее, она больше не была ею…

– Почему ты решила поселиться в гостинице? – от мыслей ее оторвал голос Данилы.

– Извини, я подумала, что так будет лучше…

– Не извиняйся, это твое право решать, где тебе будет лучше. Я просто полюбопытствовал.

– Я не имела в виду, что только мне… Тебе тоже.

– Ты меня держишь за маленького мальчика, который сам не в состоянии решить, что ему лучше?

Все неправильно пошло с самого начала, Лера чувствовала, и, наверное, в этом виновата она, потому что у нее совсем не такие эмоции, как она ожидала… Она не рада Москве, не рада Даниле, и невозможно понять почему. А он, конечно, мгновенно это уловил – это была его черта, она уже изучила: он пеленговал, как

сверхмощная антенна, любые перепады ее биополя.

– Лер, если я предложил тебе остановиться у меня, значит, я все взвесил. И если я сказал, что ты меня не стеснишь, значит, сказал правду. Мне бы не хотелось, чтобы ты перестала верить мне.

– Я… Данил, я не перестала, почему ты так…

– А если не перестала, то, значит, испугалась. Что я, поселив тебя у себя, предъявлю на тебя права?

Она попыталась что-то сказать, беспомощно чувствуя, что они сейчас поссорятся, и тогда все станет просто невыносимо, и тогда она попросит его повернуть обратно в аэропорт, потому что Москва ее уже предала, и если теперь еще и он…

Данил обвил рукой ее плечи.

– Погоди, помолчи минуту. Дай договорить. В наших отношениях много всего хорошего… Очень хорошего. Но знаешь, что самое потрясающее? Что мы все время говорили друг другу правду. И в Тунисе, и когда переписывались… Тут важны оба слова: и то, что правду, и то, что ее говорили. Ведь можно остаться честным и промолчать. И тогда другой никогда о ней не узнает. А мы говорили друг другу все… Так вот, Лер, пусть это останется так же… У меня в мыслях не было связывать тебя, иначе бы я сказал, вернее, предложил бы тебе пожить вместе, именно вместе . Но я таких слов не произнес, потому что таких мыслей у меня не было, понимаешь? Если бы ты приняла мое приглашение, ты бы осталась совершенно свободной, независимой в своих делах и планах. И даже в постели, – усмехнулся он. – Я специально во вторую комнату купил кровать, чтобы ты не считала себя обязанной спать со мной. Ты могла жить у меня, как в гостинице, только бесплатно.

От этих слов Лере почему-то стало еще обиднее. Она с трудом сдержала слезы.

– Данила… Ты прав, конечно. Не обращай внимания. У меня, наверное, шок… Отвези меня в гостиницу, пожалуйста.

* * *

– Здравствуйте. Могу я поговорить с Вячеславом Зюбриным?

Глухое, словно обморок, молчание в ответ.

Лера не выдержала:

– Алле? Вы меня слышите?

– А кто его спрашивает? – Женский голос сух и напряжен.

– Я его бывшая одноклассница… Видите ли, я давно живу в Америке, больше двадцати лет… Вот приехала на родину. Хотелось бы повидаться со школьными друзьями. Вам это создает какую-то проблему? Вы, наверное, его жена?

– Я его мама… – послышалось всхлипывание. – Дело в том… Дело в том, что Слава умер…

– Ох, простите… Мои соболезнования…

– Спасибо…

– Что с ним случилось?

– Инфаркт… Вот как вышло: мы живы, а сына нет…

Лера сочувственно помолчала. Женщина нарушила тишину:

– А вы кто, деточка, как зовут вас? Я помню некоторых его друзей по школе…

– Лера, Валерия Титова.

– Нет, извините, не припомню. Ингу помню. А вас нет…

– Не страшно, – вежливо ответила Лера. – А вы не знакомы с кем-нибудь из его – наших с ним – одноклассников? Может, сохранился телефон Инги?

– Ничем не могу вам помочь, деточка. Славик давно ни с кем из школы не общался, а уж мы тем более, как вы понимаете…

Лера извинилась еще раз и повесила трубку. Строго говоря, Слава никогда не был ее приятелем, она хотела разыскать свою любимую подружку Веру, да и других девчонок… То есть нынче уже взрослых женщин, как она сама, – просто Лера их помнила школьницами. В нашей памяти люди не меняются: не взрослеют, не растут, не стареют. Память, как фотоаппарат, жестко фиксирует тот далекий в годах образ, и увидеть, даже мысленно, школьных подружек своими ровесницами ей не удавалось.

Проблема же была в том, что, видимо, все они вышли замуж и сменили фамилии. И теперь их ни в каких справочниках не найти. Тогда как мальчишки остались при своих фамилиях, и даже если они сменили место жительство, то ей все-таки удалось разыскать несколько человек. Хорошая штука интернет!

Она находилась уже три дня в Москве – и все три дня слонялась без устали по улицам, пытаясь примирить себя с городом детства. Каким-то чутьем она понимала, что и с Данилой примирения не будет, пока она не разберется в своих отношениях с родиной.

И пока не найдет своих школьных друзей. Они помогут ей в этом: они часть ее детства, они печать, штамп, подтверждающий ее родство с этим городом, принявшим ее столь безразлично, если не сказать недружелюбно. В Москве слишком откровенно на нее смотрели и женщины, и мужчины – изучающими, хоть и по-разному, взглядами. В Москве слишком громко говорили по телефону, на весь автобус, устраивая себе из пассажиров публику. В Москве слишком вызывающе одевались, слишком много пили пива, слишком часто ругались матом… Москва не была нейтральна, как любой другой город на Западе, – этот город вступал, не спросясь, в какие-то отношения с Лерой, он к ней приставал, он чего-то от нее требовал… Harassment, вот как это называется! Этот город был сплошной харассмент – провокация, домогательство, агрессия!

Да, Лера понимала, что смотрит на родной город глазами иностранки, и ничего не попишешь, она большую часть жизни прожила в Америке, она почти

иностранка и есть.

Но она осталась русской, москвичкой и потому не столько осуждала город, сколько огорчалась его непристойным подростковым поведением.

«Ладно, – сказала она себе, – попробуем следующий телефон».

* * *

– Света? Светлана Погодина?

– Да, я.

– Это Лера Титова. Помнишь меня? Мы учились в одном классе.

– Лера? Не помню.

– Ну, Валерия. Валерия Титова!

– И что вам нужно, Валерия?

– Мне? Ничего… Света, ты меня вспомнила?

– Более-менее. Так что вам нужно?

– Ничего… Я живу в Америке. Много лет не была в России. А теперь приехала… У меня здесь нет никого из друзей, кроме бывших одноклассников.

– Надеюсь, вы не рассчитываете на то, что я предложу вам остановиться у меня?

– Бред какой! – рассердилась Лера. – При чем тут! Мне есть где остановиться.

– Так что же вам нужно от меня?

– Да ничего мне не нужно! Просто ностальгия…

– Мне уже давно никто не звонит ради «ничего». Я работаю в мэрии Москвы и прекрасно знаю, что стоит за вашими «ничего». Все друзья, подруги, бывшие соседи, друзья подруг и друзья соседей – все меня вдруг вспомнили. У всех потрясающая память. Знакомые чуть не с ясельного возраста мне звонят и рассказывают про ностальгию. Так что не крутите, Валерия. Говорите, что вам нужно. Если смогу, то помогу, но не обещаю. Все будет зависеть от того, в чем суть вашей просьбы.

– Послушайте, Света… – Лера вынужденно перешла на «вы» – тон бывшей одноклассницы никак не располагал к дружеским интонациям. – Вы чего-то не поняли! Я уже двадцать с лишним лет живу в Америке, в США, понимаете? А не в Москве! И ничего от мэрии Москвы мне по определению не может быть нужно! Я хотела разыскать школьных друзей, вот и все!

– Мы с вами подругами не были.

– Разумеется. Но, возможно, у вас сохранились контакты с кем-то из нашего класса?

– В этом я вряд ли смогу вам помочь.

– Вы ни с кем не общаетесь?

– Нет, – отрезала Света.

– Но вы же только что сказали, что все вас вспомнили и звонили…

– Кто-то из них мне звонил, уже не помню кто, и у меня нет их номеров. Успехов вам в ностальгии! – закончила она с легкой издевкой и повесила трубку.

…Надо же, Света, Светка Погодина, серая троечница, списывавшая сочинения у Леры, – нынче она важная персона! Работать в мэрии Москвы – это, наверное, круто? Ну да, судя по тому, как она задирает нос. От нее, видимо, многое зависит нынче…

Лера испытала вдруг облегчение оттого, что давно не живет здесь и что ей не нужно заискивать перед бывшей одноклассницей в надежде вымолить (или

выкупить?) у нее какие-то неведомые блага.

На мгновение остро захотелось назад, домой, в Америку. Там тоже нередко приходится выбивать и настаивать, но потому, что у тебя есть права , которые не соблюдает какой-то чиновник. А вовсе не потому, что ты ищешь милости забытой одноклассницы…

* * *

М-да… Не так, совсем не так представляла себе Лера возвращение на родину! Похоже, ее сантименты тут мало кто способен разделить.

Сантименты . Это, кажется, несколько ироническое название чувств? Ее русский язык несколько сузился за годы жизни в Америке…

Когда в восемнадцать лет она встретилась с американцем – роман развивался бурно и быстро закончился свадьбой, – она с радостью уехала из СССР. Она ненавидела этот строй, эту систему. Ее родители постоянно слушали «Голос Америки», тихо диссидентствуя на кухне. Она с детства впитала остро-критическое отношение к советской власти, она читала в полуистертых слепых копиях Солженицына и Венечку Ерофеева, Аксенова и Бродского, запрещенных и опальных. Тогда еще опальных, хотя продлилось это недолго. Вскоре шарахнула перестройка, и она, уже в Америке, не отрывалась от новостей, в которых в ту пору говорили на редкость много о Советском Союзе и о Горбачеве. Ей страшно хотелось вернуться в Россию, подышать этим воздухом свободы, поговорить с друзьями, со школьными друзьями, других она завести не успела, уехав в неполные девятнадцать лет…

Но к тому времени им уже удалось перетащить ее родителей в Штаты, и с Россией ее больше ничего не связывало. Дети родились там, в Америке. Куда ехать, к кому? Переписку с подругами она не вела – когда она уезжала, в СССР еще косо смотрели на связи с иностранцами, и Лера не хотела создавать проблемы подругам. А потом возобновлять утраченные отношения было неловко и ни к чему…

Наступили девяностые, и Леру снова стало воротить от того, что происходило на родине. А происходили там немыслимые, жуткие вещи: там постоянно убивали

людей, там новорожденную демократию использовали только для того, чтобы воровать в масштабах государства! Вся помощь, которую посылала в Россию Америка и другие западные страны, растекалась по карманам коррумпированных высокопоставленных чиновников, а низший чиновничий эшелон изводил население страны непомерными взятками… Все это было отвратительно, и Лера снова порадовалась тому, что уехала из этой гиблой страны с ее гиблым, развращенным большевиками менталитетом.

Меж тем ее политические взгляды, исполненные праведного гнева, оказались недостаточным основанием для того, чтобы обрести счастье в чужой стране. Лера так и не привыкла к Америке: слишком многое в этой стране вызывало ее нравственное отторжение. Вот и вышло, что зависла она душой между двумя странами. Россию она любила, но при этом категорически осуждала, а Америку не любила, хотя, конечно, в политическом отношении эта страна была куда более демократичной и развитой…

Прошли годы, дети выросли. Они еще кое-как говорили по-русски, пока были маленькими, – Лера настаивала, но вскоре сдалась и перешла с детьми на английский. А Россия потихоньку выправлялась, хотя все еще откалывала такие номера, от которых у международного сообщества отвисала челюсть. Тем не менее ей все чаще хотелось туда, на родину. Дети выросли настоящими американцами, с чуждым ей менталитетом. Россия их не интересовала. Мужа тоже. Несколько русских подружек-эмигранток поливали Россию как могли. Им нужно было доказать всем – и прежде всего себе, – что они сделали правильный выбор, уехав в Штаты, в которые так стремились, – а для этого им требовалось всячески принижать покинутую родину.

Лера ненавидела эти убогие разговоры. Они были крайне предвзятыми, изначально ориентированными на хай и лай, а ей хотелось беседы умной, аналитической, по возможности объективной… Да не с кем было вести эти беседы.

Подоспел интернет, и Лера регулярно погружалась в русские сайты, в новости и аналитику, участвовала даже в парочке форумов, где нередко ругала Россию, жадно вычитывая возражения. Ей хотелось, страстно хотелось, чтобы ее убедили в обратном! Ей хотелось верить, что у России великое будущее, как писали русские участники форумов, и, критикуя, она жаждала аргументированных опровержений.

Опровержений она получала предостаточно, но с аргументацией у оппонентов дела обстояли куда хуже, и это ее расстраивало.

А потом, два года назад, муж тяжело и неизлечимо заболел. И вся жизнь ее свелась к небольшому пространству вокруг его постели, где единственным отдыхом и развлечением Леры стал голубоватый экран компьютера, ведущий в рунет[1 - Рунет – русский интернет.].

После похорон Лера на месяц впала в спячку. Она отсыпалась за последние два года, когда привыкла постоянно вскакивать по ночам. Сиделка находилась в доме круглосуточно, но муж звал Леру. Он знал, что умирает, и она это знала, – какие тут счеты! На фоне его страдания ее недосып не имел права на голос.

Когда она наконец вынырнула из мутных глубин спячки и огляделась вокруг прояснившимся взглядом, то ей показалось, что она стоит на вершине горы, на которую долго и истово взбиралась, а теперь не понимает, зачем она это сделала и куда теперь идти. Куда?! Вокруг простиралась пустыня…

В Америку она приехала из-за мужа. А теперь его нет. Сыновья выросли, стали совсем взрослые. Оба еще, правда, учились, но жили в другом городе, в кампусе, по выходным подрабатывали, Лера их месяцами не видела… Родители, помогавшие им, пока дети были маленькими, теперь поселились в пансионате во Флориде и были очень довольны своей жизнью.

Настоящих друзей у нее тоже не оказалось. Те подружки, что прибило к ней обстоятельствами и близостью адресов, были, по сути, экономическими эмигрантками, которые приехали в Америку в надежде на легкую красивую жизнь. Красивая жизнь мало у кого получалась, но чем меньше она удавалась охотницам за американской мечтой, тем озлобленнее они поливали Россию. Лере было душно в их кругу…

* * *

– Я бы хотела поговорить с Андреем Исаевым…

– Кто вы такая?

– Его бывшая одноклассница. Видите ли, меня не было в России двадцать три года, и мне хотелось бы разыскать своих школьных друзей…

– Вы его любовница?

– Ну что вы, конечно нет, я же вам объясняю: я бывшая одноклассница, только три дня назад приехала в Россию после многолетнего отсутствия и…

– Он умер.

– Вот как…

– Вот так!

– Вы его жена?

– Вдова!

– Ох, простите… А что же случилось с Андрюшей?

– Хм, с «Андрюшей»! Вы были его любовницей?

– Да нет же, одноклассница! Меня не было в России двадцать три года, как вы хотите, чтобы я оказалась его любовницей!

– Я как раз и не хочу! Так почему вы ему звоните, если вы не его бывшая любовница?

Лера настолько отвыкла от подобных разговоров и интонаций, что совершенно растерялась. Как на это отвечать? Или просто повесить трубку? Подумав, она все же произнесла как можно более доброжелательно:

– Я пытаюсь разыскать наших бывших одноклассников. Особенно девочек… Может, вы знакомы с кем-то из них?

– Вот только девочек мне и не хватало!

– Я имела в виду наших общих одноклассниц… А что случилось с Андреем?

– А то! По бабам надо было меньше шляться!

Лера ничего не ответила. Разговор даже не зашел в тупик, он в нем пребывал с самого начала. Дежурно выразив соболезнования, она повесила трубку. У нее возникло ощущение, словно она ехала к морю с жаждой искупаться в его прозрачной, освежающей воде, а вместо этого окунулась в мутную жижу закисшего пруда с лягушками…

* * *

– Здравствуйте, меня зовут Валерия Титова. Я бы хотела поговорить с Анатолием Трубачевым.

Ей ответил мужской голос, и она обрадовалась, что на этот раз попала не на жену. Но разочарование наступило немедленно. Вместо ожидаемого «это я» мужской голос прокричал куда-то:

– Мамк! Поди сюда, тут кто-то папку спрашивает!

Лера с детства ненавидела все эти «мамка» и «папка».

– Кто? – донеслось до нее. – Не знаю, тетка какая-то.

Ага, «тетка» тоже хорошо…

– Слушаю! – рявкнул женский голос в трубку.

– Здравствуйте, меня зовут Валерия Титова. Я бы хотела поговорить с Анатолием Трубачевым.

– Вы кто?

Лера, вздохнув, смирилась с судьбой и принялась объяснять про Америку и одноклассников.

– Нету его, – выслушав, заявила женщина. – Спекся.

– Простите, это как?..

– А так! Пить надо было меньше!

– Он что, заболел?

– Сдох. Так что опоздали вы, Титова Валерия.

Лера вспомнила «мутантов» в Тунисе. А ведь все начиналось в школе, когда мальчишки еще только бравировали, распивая бутылку водки. Тогда это была почти шутка – так подростки курят, и им кажется, что с сигаретой они очень взросло выглядят. Но годы побежали, помчались, намотались на какой-то невидимый маховик, и детская шалость стала серьезным пороком… В России нет антиалкогольной пропаганды, и это неправильно!

– Сочувствую…

– Да что вы, зачем! Порадуйтесь за меня, я избавилась от алкоголика!

Лера растерянно помолчала, затем поскорее распрощалась.

Наверное, к родине и к Даниле у нее оказался одинаковый счет: обоим она не могла простить того, что не находит в своей душе прежних чувств. Что отчаянно пытается найти внутри себя опору, на которой можно было бы заново выстроить отношения любви и понимания, но в этом ей никто не хочет помочь! Ни родина, ни Данила!

После того как в день приезда он отвез Леру в гостиницу, они только один раз встретились: поужинали в ресторане. Домой к себе он ее не пригласил – наверное, обиделся, что она отказалась жить у него… За ужином Лера была напряжена, не знала, как ему объяснить сумятицу, происходившую в душе, не находила слов, да и желания их находить почему-то не было. Что-то внутри ее

закрылось, свернулось в тугой калачик и не хотело казать носа наружу. А он, устремив на нее мягкий взгляд своих серых глаз, говорил, что понимает ее и ничего навязывать не собирается. Что он, как его жилище, всегда в ее распоряжении, по первому зову. Что он любит ее, но уважает ее свободу.

Какого черта, спрашивается? Сдалась ему ее свобода! Наверное, он считает ее американкой и ведет себя, так сказать, в самом демократическом духе. Вот парадокс: она приехала в Москву, чтобы почувствовать себя русской, а ей все и всё словно указывают ее место: иностранка ты! Чужая. Чужачка…

Почему в Тунисе было не так? Почему там все было легко и сказочно, сказочно легко? И почему вдруг стало все так трудно и сложно здесь, в Москве?

Ах да, там же не было подробностей . Там не нужно было принимать решения. Там у их отношений не было формы, что все и объясняет…

Странно, разве можно иметь чувство без формы? Лера столкнулась с чем-то совершенно непонятным, доселе не испытанным и не обдуманным. Есть чувство как цельный поток . И есть форма, то есть необходимость воплотить и конкретизировать это чувство в массе житейских мелочей. Вот это и убивает чувство. Нет, пожалуй, слишком сильно – «убивает», но распыляет, разбивает на фрагменты, на брызги , летящие в совершенно разные стороны. Тогда как поток тек сильно и уверенно только в одну сторону, в одном направлении!

Как было легко любить Данилу в маленьком раю! Тогда не надо было думать, кто кому чего должен или нет, как не стеснить, не навязаться, как рассчитать жесты, взаимную любезность, денежные отношения. Вот, к примеру, к вопросу о последних: Лера привыкла, что каждый платит за себя. В этом она видела демократичность, равноправие, самоуважение. А Данила джентльменствовал по-русски: он за нее платил. Вызывая у нее ярый дискомфорт – и не понимая этого….

И как было легко скучать там, в Америке, по России! Ее ностальгия, такой же цельный поток чувства, как любовь, там не распылялась необходимостью постоянно что-то принимать или отвергать. Теперь же, в Москве, на месте, требовалось все куда-то поместить в своей душе, распределить: и этот мат, и это пиво, и этих не в меру оголенных и раскрашенных девочек; и застарелое хамство, и новоиспеченную любезную услужливость, и невиданный снобизм,

охвативший все слои населения, от продавщицы до административного бонзы; и дичайшие американизмы в речи, и повсеместный культ «элитности-виповости», и… и… и…

Все это ежедневно, ежеминутно требовало к себе отношения, обдумывания, осуждения или оправдания, попытки внутреннего примирения… Любовь к родине тоже принимала конкретные формы , расчленяясь на тысячу мелких брызг , воплощаясь в том или ином конкретном виде…

А где же взять внутренних сил на все на это?.. Лера ощущала себя подавленной и усталой, словно на нее навалилась депрессия…

Хотя почему «словно»?

* * *

– Добрый день. Могу я поговорить с Мишей Пархоменко?

– Его нет дома, позвоните через два часа.

Слава богу, на этот раз ее ни в чем не стали подозревать, и Миша оказался жив! А то уже она стала было думать, что в России всех мужчин косит преждевременная смерть!

Набрать еще номер? В списке оставалось два, но Лера вдруг почувствовала себя настолько выжатой от первых разговоров, что решила отложить звонки на завтра.

Выждав для верности чуть больше двух часов, она перезвонила. Миша заорал в трубку:

– Лера?! Титова? Какими судьбами?!!!

– Да вот, приехала из Америки…

– Потрясающе! Насовсем?

– Нет… Посмотреть, повидаться….

– Лера, переезжай насовсем! Возвращайся! Ты же видишь, какие тут у нас дела творятся! Россия все крепчает, хорошеет, набирает мощь!

Поразительно. Еще в школе Миша был страшным активистом, комсоргом и старостой класса, и еще кем-то там – и явно сохранил до сих пор свой общественно-политический темперамент. Ему не пришло в голову спросить у Леры, как она жила все это время, каковы ее личные и семейные обстоятельства – ну хотя бы те, которые привели ее вдруг на родину… Нет, Миша вновь, как и прежде, звонко и жизнерадостно занимался пропагандой новой России – так же прытко, как когда-то советской.

«Это, видимо, какие-то гены крутят, – подумала Лера, – что человек всегда на страже своего строя, своего руководства, своей страны, какой бы она ни была. Без критической мысли, без собственного мнения, в силу которого что-то принимается или отрицается. А просто при любом правлении и режиме – гип-гип-ура!»

– Миша, – перебила она поток славословий, – мне очень хочется повидаться со всеми. Ты же помнишь, я уехала из России сразу после школы, и у меня здесь нет друзей ближе, чем вы, мои одноклассники. Нельзя ли…

Но Миша не дал ей договорить.

– Великолепно! Я организую классный сбор! Сколько ты еще пробудешь в нашей столице?

Интересно, а почему не сказать попросту «здесь» вместо пафосного «в нашей столице»? У Леры в Америке зубы сводило от патриотизма аборигенов, и нате вам, приехали! Может, это заразная инфекция, перекинувшаяся с одного континента на другой?

– Две недели, – ответила она.

По правде говоря, билет у нее был с открытой датой, и ответила она так Мише лишь потому, чтобы он не тянул.

– Прекрасно! Все устрою!

– Миш, а ты знаешь, что Трубачев, Зюбрин и Исаев умерли?

– Нет. Последний раз мы общались лет пять тому назад, я тогда тоже организовал классный сбор. И они были вполне живы и здоровы… Печальная новость. А что с ними такое?

– Не знаю. Их вдовы были не слишком любезны со мной.

– Эх, стареем мы, Лера! А ведь пока кажемся себе молодыми. Бегаем, гарцуем… А некоторых из нас уже смерть прибрала своей костлявой рукой!

Лера раньше не замечала за ним склонности к таким выспренним оборотам. Хотя, скорей всего, тогда, в школьном детстве, она просто не обращала на них внимания, они не резали ее еще неопытный слух своей пустотой и фальшивым пафосом. Теперь же – может, оттого, что прожила столько лет вдали от своей страны? – она слышала и слушала родной язык особенно обостренно.

А Миша всегда такой и был: любитель восклицаний, которыми щедро сдабривал свою активную школьную деятельность…

– Тогда я жду от тебя звонка?

– Обязательно! Диктуй номер. Это гостиница? Ну, вот и отлично. Буду очень рад повидать тебя, Лера, очень!

Еще через три дня Миша сообщил, что встреча намечена на пятничный вечер. Придут не все, чьи-то адреса и телефоны потерялись, «унесенные ветром времени», как он выразился. Но те, кого удалось найти, – те «однозначно в восторге» от новости, что Лера приехала, и жаждут с ней повидаться!

– Я бы вряд ли собрал столько народу – подразленились, зажирели, нет уж той романтики, что раньше! Но на тебя все, как на крючок, поймались!

Лера не стала спрашивать, кто придет, а кто нет. Пусть окажется сюрпризом.

Она приехала чуть раньше всех – после Мишиных слов Лера чувствовала себя едва ли не виновницей торжества, что обязывало. Миша, однако, уже ждал ее: он всегда был ответственным и исполнительным старостой.

Впрочем, разглядеть в улыбающемся до ушей мужичке – улыбка была заключена во множественные скобки морщин, что напомнило Лере интернетный смайлик « :))) », – разглядеть Мишу в этом мужичке, щепотью налаживавшем последние прядки на лысинке, было весьма затруднительно.

– Лера, Лерочка! – встал ей навстречу Миша, раскрывая объятия. – А ты ничуть не изменилась! Все такая же красавица!

Лера немного смущенно протянула ему руку, которую Миша галантно поцеловал.

Он провел ее к столику, отодвинул стульчик, подождал, пока она опустится, и снова придвинул к столу – так делают официанты в дорогих ресторанах. Сейчас, когда он перестал улыбаться, скобки морщин исчезли, но Лере все равно хотелось его спросить: отчего он так плохо выглядит в свои – их! – молодые годы? Уж не болен ли чем? Но задавать подобный вопрос было бы совсем неприлично, и она лишь постаралась не выдать своего огорчения.

– Я зарезервировал весь зал, – гордо сказал Миша, обводя рукой небольшое помещение кафе. – Придет не меньше половины класса!

– А Вера? – все-таки Лера не устояла, спросила о своей лучшей подружке.

Не успел Миша ответить, как со стороны входа донеслось: «Лери-и-ик!!!» Этот голос невозможно было не узнать. Да и никто больше ее так не звал, кроме Веры.

– Вери-и-ик!!! – И, роняя соседний стул, она бросилась к подруге.

Наверное, они обе, в ожидании предстоящей встречи, к ней готовились, искали слова, предназначенные для выражения дружбы и симпатии и одновременно для того, чтобы с достоинством очертить нынешнюю свою жизнь, двадцать три года спустя… Но все слова вылетели из головы, как пробка от шампанского, с

хлопком. И не осталось ничего, кроме объятий и соплей.

…Двадцать три года назад на отъезжающих за границу смотрели крайне подозрительно, а в США – тем более. Письма перлюстрировались и почти никогда не доходили, телефоны прослушивались (уж не говоря о дороговизне звонков), интернета тогда не существовало. Так они и потерялись.

И вот нежданно-негаданно нашлись. Стояли, обняв друг друга, поглаживая по плечам и всхлипывая.

Едва подруги утерли носы, как стал подтягиваться остальной народ. Кого-то Лера узнавала сразу, кого-то никак не удавалось, а некоторые торопливо представлялись сами, чтобы избежать неловкости.

Вскоре кафе заполнилось, первоначальное напряжение спало, бывшие одноклассники принялись шумно общаться. «Как ты? – А как ты?» – неслись отовсюду вопросы. Воспоминания мешались с рассказами о нынешней жизни, кто-то хвастался бизнесом, кто-то детьми (иные уже и внуками), а кто-то больше помалкивал. «Лерику с Вериком» особо не удалось поговорить – за их столик то подсаживались, то утаскивали их, вместе или поштучно, за другие столики. Но подруги успели обменяться телефонами и договориться о встрече на завтра же вдвоем, которую уже предвкушали, а пока предались коллективному общению.

– У меня для тебя еще один сюрприз, – тихо сказал Миша, подсев к Лере и тронув ее за локоть. – Помнишь Юру Стрелкова? Он обещал прийти!

…Разумеется, она помнила! Он принадлежал к элите класса, точнее, он сам элитой и был, а остальные так, распределились вокруг, на его орбите. Красивый, уверенный в себе мальчик, краснобай, остряк и эрудит. Девчонки по нему сохли, хотя он имел репутацию «бабника», но, как водится, это только придавало Юре еще большее обаяние в их глазах. Многие из них втайне мечтали стать его доброй феей, способной спасти душу начинающего распутника и подарить ему свет «настоящей любви».

Но Юре «настоящая любовь» была совершенно ни к чему («по барабану», так сейчас говорят!), да и вряд ли он верил, что подобное явление водится в природе. Он играл роль циника и был им. Или правильнее сказать так: он был циником и умело это обыгрывал…

Девочек он менял примерно раз в месяц – и, похоже, не только девочек. Жертвами Юриного обаяния, по слухам, пали пионервожатая и даже молоденькая училка начальных классов. Никто не мог устоять перед его броской внешностью, его элитарностью, его божественной распущенностью, ослепительно-провокационным презрением, которое Юрино остроумие превращало как бы в милую шутку. Едва заканчивался его очередной скоротечный роман, как тут же с робкой алчностью вспыхивали глаза старшеклассниц: вдруг теперь я, вдруг мне выпадет?

…Почему Лера не поддалась, как все, на этот заразительный экстаз? Что в ней сопротивлялось? Чувствовала ли она, что презрение Юры совсем не «милая шутка»?

Теперь, с годами, Лера понимала: она просто трусила. Боялась влюбиться. От своей первой любви она ждала гораздо большего, чем месячный романчик и снисходительно-высокомерное к себе отношение. И какое-то врожденное нравственное чувство, подкожное понимание того, что хорошо и что плохо, спасло ее.

Поэтому, когда однажды Юра прихватил ее на выходе из раздевалки физкультурного зала (Лера была медлительна, вечно выпадая мыслью из реальности. Где бродила ее мысль – бог весть; но учителя нередко делали ей замечания на уроках за постороннюю задумчивость)…

Итак, она задумчиво переодевалась, застревая над каждым рукавом и каждой пуговицей. И оказалась, таким образом, как всегда, последней. Выйдя из девчачьей раздевалки, она увидела Юру. Он поджидал ее, отчего тоже оказался последним. Взял ее за рукав.

– Я тебя жду, – сказал он с нажимом, чтобы она поняла, что стала его очередной избранницей. – Пойдем сегодня вечером в кино?

– У меня нет времени, – ответила она, покраснев.

– Пойдем… – Он легонько привлек ее к себе и выдохнул в ушко: – Ты мне нравишься, Лер…

Она немножко постояла так, вчувствуясь в его небрежное объятие: оно было таким взрослым, таким уверенным, таким обещающим…

– У меня нет времени, – упрямо повторила она.

– Тогда завтра.

Юра не спрашивал, Юра констатировал. Отказа он не предполагал и честно поверил, что она сегодня занята. Иначе ведь и быть не может!

В течение целой недели Юра оказывал ей снисходительные знаки внимания – как обычно, вполне открытые. Ему явно нравилось жить публично, чувствовать себя в центре внимания. Это было его самодельное «За стеклом», через которое к нему устремлялись глаза множественных зрителей.

И только к концу недели до него дошло, что Лера – хоть и не посмела сказать ему прямо – ему отказала! Это было еще оскорбительнее. Если бы прямо, он бы просто не поверил. Он бы нашел уничижительные слова, вроде «синего чулка» и «воинствующей феминистки», а то еще и «суфражистки» – мудреные словечки были его коньком. Но именно потому, что она стеснялась ему отказать прямо и всячески выворачивалась, именно поэтому он не мог ее заподозрить ни в чем воинствующем.

Юра снова отвел ее в уголок.

– Я не понял, ты меня динамишь?

– Юр…

– Ну?

– Я к тебе очень хорошо отношусь, но…

– Понятно.

Он провел рукой по ее голове и быстро ушел. Лера так и не поняла, то ли он ее погладил, то ли дал легонький подзатыльник.

С тех пор он оставил Леру в покое, а если и был уязвлен, то ничем этого не выдал. Напротив, вскоре он уже громогласно рассказывал, что «Лерка мне не дала, представляете?!» – и столь же громогласно демонстрировал к ней слегка уважительное и незаинтересованное приятельство.

В конечном итоге Лера уже не знала, задел ли его самолюбие ее отказ, или она была Юре настолько до фени, что он не стеснялся рассказывать об этом всем подряд и даже находил забавным.

Прошло несколько месяцев, подкатил и выпускной вечер. И на нем Юра пригласил ее танцевать. А после танца увел на скамейку в школьный парк.

– Хорошая ты девка, – сказал. И добавил, помолчав немного: – Человек ты хороший, Лера. А мы все говно на самом деле. Ты правильно сделала, что мне не дала. Ничего хорошего я бы тебе не принес.

Лера видела: он выпил уже изрядно. Но словам его отчего-то верила. Да и как не поверить, когда тебе столь откровенные вещи говорят? Если такие вещи вранье, то вообще топиться пора! Сейчас Юрка не врал, она точно знала. И, несмотря на грубость фразы, он имел в виду что-то важное. Она не понимала, что именно, но точно знала, что важное… Смотрел блестящими от алкоголя глазами на нее с некоторым восхищением, что ли… Не влюбленно, нет. Но отчего-то это было еще лучше.

– Юр, ты тоже хороший, – отважилась она. – Ты только не знаешь об этом сам. Прячешься за такой масочкой циника, но душа-то у тебя нежная…

Он посмотрел ей в глаза, и взгляд его медленно угас. Он поцеловал ее в губы, без вожделения, словно на память, затем встал и сообщил:

– Мне пора. Счастья тебе, Валерия!

Вот так они расстались двадцать четыре года назад.

– …Ты представь, – продолжал Миша, – за все эти годы я ни разу не смог его вытащить на наши сборы, он все отказывался, занят очень, он у нас бизнесмен и политик! А сегодня сказал, что заскочит ненадолго, а все ради того, чтобы на

тебя полюбоваться!

Лера пожала плечами. Она не видела никаких особых причин для интереса к себе со стороны Юры Стрелкова. Ну не та же мимолетная история несостоявшегося романа!

Юра вскоре появился, о чем возвестил громкий гудок автомобиля, вынудивший всех выглянуть в окна кафе. Вышел из роскошного лимузина (шофер открыл дверцу), такой же красивый, подтянутый, овеянный запахом богатства и благополучия, как и раньше, разве только его подростковое высокомерие сменилось благодушием и снисходительностью. Он шумно и картинно, словно на него были нацелены объективы, заключил Леру в свои объятия, пожал несколько рук, не вглядываясь в лица, после чего приступил к расспросам о ее жизни в Америке. Через несколько минут, узнав максимум подробностей, Юра пустился рассказывать о себе. Из рассказа этого следовало, что у Юры все не просто отлично – преотлично даже! – а главное, что у него все лучше, чем в Америке.

Зачем ему понадобилось тягаться с Америкой, что за детский комплекс «догнать и перегнать» эту несчастную Америку у него водился, Лера не представляла. Или он что-то хотел доказать ей? Что неправильный она сделала выбор ни с Америкой, ни тогда с ним, с Юрой? Но разве может такое быть, что двадцать с хвостиком лет спустя ему это не все равно?

Впрочем, возможно, речь его была рассчитана на публику в лице бывших одноклассников, и поскольку Юра активно занимался политикой, то и придал своей речи политический окрас. Ругать Америку нынче в России модно, Лера это уже усвоила, – и Юра попросту отдавал дань моде?

Как бы то ни было, ей стало скучно от этих разговоров, и она уже не знала, как отделаться от Юры.

Спас ее староста, который громогласно объявил, что принес фотографии класса. Хотя у каждого из них были точно такие, но со временем куда-то задевались или просто черт знает где валялись, невостребованные.

Все немедленно сгрудились вокруг стола, фотографии пошли по рукам, сопровождаясь восклицаниями и смехом. «Смотри, Лера, у тебя лицо такое испуганное! А Вовка-то, смотрите! Сколько лет у меня валяется эта фотография,

а я никогда не замечал, что он Сеньке рожки приставил, вот умора!»

И вдруг Миша со свойственным ему пафосом объявил:

– Давайте помянем наших одноклассников, безвременно и трагически ушедших из жизни так рано! Слава Зюбрин, Андрюшка Исаев, Толик Трубачев… Пусть земля им будет пухом!

Все растерянно подняли бокалы и молча пригубили вино.

– А что с ними случилось? – спросил кто-то.

Староста Миша вкратце поведал историю Лериных звонков и уступил ей слово.

– У Славы инфаркт… Толик, похоже, спился… А Андрей, не знаю, его жена не сказала…

Наступила неловкая тишина. Продолжать веселье показалось неуместным. Присутствующие с полагающейся печалью на лицах разглядывали свои бокалы, не зная, куда еще уставить взгляды. И вдруг тишину разорвало восклицание:

– Надо же, они все рядом сидели!

Все снова обступили столик Миши, на котором лежали фотографии. Подошла и Лера.

На последнем снимке, за десятый класс, трое умерших одноклассников сидели вместе, на первой и второй партах в ряду у окна. Сами-то они, как и вся Юрина компашка, в которую эти трое входили, предпочитали «камчатку», где довольно громко переговаривались, отпускали шуточки и замечания, но к концу года учителя озверели и, несмотря на важных папиков-мамиков, сговорились и вынудили «элиту» занимать первые места.

…Это был особый клан в классе, сформировавшийся вокруг Юры Стрелкова. Их так и называли: Компашка. Юра был самым ярким из них, хотя нельзя сказать, что вожаком. Его имидж был весьма далек от «пахана», никто никогда не слышал, чтобы Юра распоряжался, командовал, диктовал условия. Казалось, что

члены Компашки сами были готовы ему услужить и старались угадать, куда подует ветер. Им хотелось быть при Юре, а Юре нравилось, что они составляли его свиту.

Впрочем, все они, ребята из Компашки, были чем-то похожи. Они лениво учились, при этом были эрудированны, ставили своими познаниями в тупик училку русского языка и литературы, своим блистательным произношением – училку английского, шокировали своими замечаниями историчку, особенно на уроках обществоведения. Выходцы из очень благополучных номенклатурных семей, они имели доступ к зарубежным книжкам и пластинкам, фильмам и учебным кассетам, с помощью которых отрабатывали как английское произношение, так и приемы карате. А уж о шмотках и речи нет. Их школьная форма была сшита у портных и сидела на них так, словно на картинке из журнала «Бурда», бывшего в то время эталоном моды.

Единственная девочка в этой компании, Инга, тоже носила короткое узкое платье, хоть и коричневое, но на два тона светлее обычной формы. Застежка на платье проходила по плечу – невиданный тогда полет дизайнерской фантазии. Черный фартук был сшит из плащовки с обстроченными, как на джинсах, карманами.

Инга была так же высокомерна, как мальчишки из этой компании, но в ней светилось еще и другое превосходство: она единственная из всех девочек была допущена к этим парням! К элите.

Их элитарность заключалась не только в обладании вещами, не только в снобско-ироничной манере смотреть на всех. В них было еще другое: прочный запас здоровья. Эти дети выросли при отличном питании из номенклатурных распределителей, у них всегда были лучшие врачи, они все занимались спортом. И потому лица их были гладки, волосы блестящи, а тела стройны. Ну и к этому собирательному портрету можно, пожалуй, добавить, что они никогда и ничем не были озабочены. Они не стояли в очередях в магазинах, куда их не посылали родители, они не сидели с младшими братьями или сестрами, они не мыли посуду после ужина, и им не нужно было выклянчивать у предков лишние пятнадцать копеек на мороженое или сколько там (кажется, сорок?) копеек на кино. Потому что продуктами забивали холодильник предки, с подрастающим поколением сидели няни, посуду мыли домработницы, и карманные деньги выдавались регулярно и без расспросов на что.

Впрочем, Инга была, кажется, из не совсем благополучной семьи. Откуда у нее брались деньги и почему она была столь претенциозна в поведении, Лера никогда не понимала, да и не задумывалась. Она Ингу не трогала, испытывая чувство отторжения к этой девочке, а Инга имела привычку не смотреть ни на кого, кроме членов Компашки, словно других в классе вообще не существовало…

– Слушай, а ты ведь дружил с ними! – оторвался от снимка Миша Пархоменко, ища глазами Юру. – Ты что же, не знал, что они умерли? Или вы больше не общаетесь?

Все зашевелились и отлепились от стола в ожидании ответа. Но Юры нигде не было. Миша выглянул из дверей кафе: лимузин исчез.

– Это называется – уйти по-английски! – заявил бывший староста. – Юра у нас всегда был аристократом!

По-английски или нет, но Лере подумалось – Юра ушел потому, что ему перестали уделять внимание. Он не мог не быть центром и не выносил никакой конкуренции, даже со старыми снимками. И еще у нее осталось ощущение, что Юра приходил за чем-то другим – то ли что-то ей сказать, то ли себе доказать, – но спрятался за разговором об Америке, как прячутся актеры в кулисах, ожидая своего выхода на сцену… Который у Юры так и не получился.

Постепенно прежнее оживление вернулось. Несколько человек ушли, и оставшиеся решили сдвинуть столики и сесть вместе. Заказали еще пирожных, и Лера с удивлением отмечала, что пирожные не так жирны и сладки, как в Америке, что кофе почти европейский, а персонал любезен и расторопен…

Ее теребили со всех сторон, особенно «девочки», жадно выспрашивая подробности ее жизни: и какой дом, и какая мебель, и занавески какие, да как дети учатся, да как муж к ней относился…

Вера уже ушла в предвкушении их завтрашней встречи наедине, без посторонних. Среди оставшихся были еще две бывшие подружки: Маша и Яна. Не такие близкие, как Верик, но все же. Обе Леру в достаточной степени разочаровали – они стали обыкновенными тетками, озабоченными бытовыми проблемами, особенно денежными. Точнее, их – да и остальных бывших одноклассников – занимал не сам денежный вопрос: все неплохо зарабатывали,

во всяком случае, отнюдь не сводили концы с концами. Теперь их больше занимала другая сторона денег: престижность товаров. И Лера, терпеливо отвечая на их вопросы, наталкивалась на непонимание.

– Как это тебе все равно, какая марка? Ведь у них качество разное!

И Лера уже в пятый раз пыталась пояснить, что высокая цена еще не является гарантией качества, а лишь платой за престижность; что большинство американцев отнюдь не склонно переплачивать за такую глупость, как бренд; что хорошим тоном считается одеваться сдержанно и достаточно скромно, причем и в Европе тоже, после своего недавнего вояжа она может смело это утверждать…

«Девочки» не соглашались, горячо отстаивали свою точку зрения. «Мальчики» время от времени встревали в эти нестройные речи, успевая одновременно говорить о чем-то своем, мужском.

В какой-то момент Лера почувствовала себя выжатой. Нужно было как-то повежливей попрощаться, но это казалось задачей непростой: она все еще являлась центром внимания. Отчего Лера решила пойти на тактический ход – извинившись, она пересела поближе к Карену, взгляд которого она чувствовала на себе весь вечер, – и тем самым вынудить сплоченный практическим интересом женский коллектив общаться между собой, без нее.

Карен, когда-то очень хорошенький армянский мальчик с большими миндалевидными глазами и девчачьими ресницами, сильно располнел, хотя лицо его оставалось красивым… Красивым, но другим, совсем другим. В классе он держался немного особняком. В целом его считали членом элитной группки, Компашки, – он тоже имел номенклатурных родителей, Лера уже не помнила, чем именно они занимались. И он тоже, как практически все члены этой группки, был эрудирован и насмешлив, но Лере тогда казалось, что он на самом деле мальчик романтичный и замкнутый, несмотря на внешнюю раскованность. Его жгучие армянские глаза частенько следовали за Лерой в девятом и десятом классе, но он ни разу не подошел к ней, ни разу не заговорил.

Теперь же Карен стал вальяжным, от былой застенчивости-замкнутости не осталось и следа. И взгляды, которые он бросал на Леру, уже не имели ничего общего с былой романтичностью. Чем она и воспользовалась, чтобы сбежать из

центра внимания.

– Как живешь, Карен?

Ее маневр удался, и, пока она вела незатейливый диалог с Кареном, остальные переключились друг на друга. Лера сочла, что может уйти, никого не обидев. Она подошла к Мише.

– Мне пора, Мишуня. Можешь дать мне фотографии? Я пересниму и верну тебе в целости и сохранности.

– Какой вопрос!

И вскоре Лера, пожав все мужские руки и поцеловав все женские щеки, вышла из кафе, держа под мышкой большой конверт со снимками.

Ее тут же нагнал Карен.

– Ты на чем?

– На том, что поймаю, – усмехнулась Лера.

– Садись, я тебя довезу!

Едва Лера оказалась в его просторной, ухоженной машине (марку она не определила – она не разбиралась в европейских автомобилях), как Карен произнес:

– Может, поужинаем вместе? – И окинул ее недвусмысленным, восхищенно-плотоядным взглядом.

Глупо, наверное, но Лера расстроилась. Тот задумчивый Карен ее воспоминаний нравился ей куда больше.

– Я устала, Карен. Знаешь, я отвыкла от таких больших и шумных встреч.

– Одичала ты там в Америке, Лера!

– Угу, что-то в этом роде… Карен, скажи… Вы вроде бы все дружили в школе, держались одной группой… Ты не знаешь поточнее, отчего Толя, Славик и Андрюша умерли? У Славы инфаркт, сказали его родители, но так странно, так рано…

– Русский человек неумеренно пьет, – сообщил Карен. – Оттого и мрет.

– Все трое пили?

– Наверное. Ты же сама сказала, что Толик спился. Остальные тоже наверняка. Иначе отчего человек может помереть в наши годы? Мы же еще молодые.

– То-то и оно. А точно ты не знаешь?

– Я не общался с ними после школы. Только с Димкой, Костиком и Робертом. Помнишь их?

– Конечно. А отчего они сегодня не пришли?

– Боб в командировке, а Димка и Костик не захотели. Им наши одноклассники ни с какой стороны не интересны. Сама видела, во что девчонки превратились, во что Юрка, Миша… Вот если б с тобой одной была встреча – пришли бы. И Боб пришел бы, думаю. К тебе все парни хорошо относились… Лер, слушай… Может, поедем все-таки, поужинаем? Что-то меня на сантимент пробило… Я ведь в тебя влюблен был.

– Я знаю, – улыбнулась Лера.

– Знаешь? Откуда? Я ж ни словом, ни взглядом!!!

– Ни словом – это верно. А вот насчет «ни взглядом»… Твои глаза следовали за мной повсюду, Карик. Неужели ты не отдавал себе в этом отчета?

– Ни боже мой! Я был абсолютно убежден, что игнорирую тебя полностью, стопроцентно законспирировался!

– Как забавно вспоминать теперь, правда? А я видела, как ты на меня смотрел… И удивлялась, что ты смотреть – смотришь, а ни разу ко мне не подошел…

– Стеснялся, Лер.

Сейчас лицо Карена вдруг приобрело то давнее, задумчиво-застенчивое выражение, и Лера была ему благодарна за него.

– А если бы подошел… Неужто бы ты мне тогда ответила взаимностью? Я же на голову ниже тебя был…

– Взаимностью? В чем, Карен? – вдруг нахмурилась она, вспомнив Юру.

Карен засмеялся.

– Ты стала циничной, Лера!

– Почему это? – опешила она.

– Мальчишку, то есть меня в те годы, в чем заподозрила? Я же не Юрка, я романтиком был! И еще немножко им остался, между прочим. Мог ведь сказать: поехали в номера! А я сказал: поехали ужинать… А? Чувствуешь разницу?

– Ну, ты даешь, – пробормотала Лера. – Ты шутишь, надеюсь?

– Конечно, шучу, моя прелесть.

Карен вдруг развернулся к ней всем корпусом. Он мотор еще не завел, но в машине уже негромко играла музыка, что-то на французском. Его черные глаза отражали отблески уличных фонарей, и в них Лера увидела неожиданное, растроганное выражение.

– Дай мне руку, Лерка. – Она чуть с опаской протянула ладошку, и Карен крепко сжал ее пальцы. – Я уже, конечно, стал старым циником, но все же… Тогда ты была для меня Прекрасной Дамой. Наверное, потому и не подошел и ничего тебе не сказал: о чем можно говорить, что можно делать с Прекрасной Дамой? Ей

можно только служить. И я тебе служил… В мыслях. – Он смущенно рассмеялся.

– Карик, извини меня.

– С ума сошла? За что?

– Просто, понимаешь, тогда… Даже сейчас, когда я взрослая, трудно понять, что у другого в голове, особенно когда этот другой – мужчина, – а тогда все воспринималось через призму Юрки. Он был у нас законодателем мод, властителем дум… А ты сам знаешь, как он к девочкам относился…

– Скажи… У тебя тогда с Юркой что-то было?

– Ничего.

– Я так и думал! Но сейчас, не поверишь… Двадцать с лишним лет прошло, а вот облегчение испытал… Ты не представляешь, как меня воротило от всех этих давалок!

– Ну, зачем ты так грубо, – поморщилась Лера. – Девчонки в него влюблялись. И потому уступали….

– Лер, не смеши! Какое «уступали»? Они сами под Юрку лезли… Он это дело на поток поставил, групповухи устраивал. Они же пачками перлись, так пацаны их и оприходовали коллективно!

– Не надо так, Карен! В Юру многие девочки были влюблены. А странно сейчас видеть всех взрослыми, солидными. И уже не влюбленными. Даже жалко. Глаза уже не горят…

– Эх, Лера, наивная… Я-то знаю, как дело было…

– Ты тоже участвовал?

– Я перестал с ним дружить в конце девятого класса! Ты забыла? И никакого отношения к их забавам не имел!

Она действительно забыла, но постеснялась в этом признаться.

– В моей семье меня приучили по-другому относиться к женщине. Уважительно. А как таких уважать, скажи?

– Поэтому, как ты сказал, я была для тебя Прекрасной Дамой? – сменила щекотливую тему Лера.

– Наверное, – серьезно согласился Карен. – И еще потому, что ты была красивая. Не самая красивая в классе, да соль не в этом. Ты была задумчивая и грациозная. Жаль, я стал подзабывать стихи на армянском, а то бы прочитал тебе про горную лань!

– А что же тогда не прочел? Когда помнил?

– Стеснялся, Лер.

Некоторое время Карен смотрел на нее внимательно, и его полные губы подрагивали, словно борясь одновременно с двумя крайностями: с физическим желанием и порывом дружеской сентиментальности.

Кажется, победила дружба.

– Боб возвращается из командировки через два дня. Давай я сговорюсь с пацанами, и встретимся отдельно, вчетвером?

– Давай.

Карен завел наконец мотор.

– Куда тебе?

– На Ботаническую.

– Ты в гостинице?

– Да.

– Как у тебя с финансами?

– Нормально.

– Я человек богатый, Лера. Очень богатый. Если тебе что нужно, не стесняйся. Могу тебя поселить в гостинице в центре Москвы, хочешь?

– Ты предлагаешь перейти к тебе на содержание? – усмехнулась Лера.

– Не говори пошлостей! – строго прикрикнул на нее Карен. – Ты моя Прекрасная Дама! Это, считай, в порядке служения… Даме.

– Я согласна к тебе на содержание.

Карен чуть руль не выпустил из рук. Он посмотрел на Леру – она мило улыбалась.

– Тогда… Слушай, может, тогда прямо в гостиницу поедем?

– А как же служение Прекрасной Даме? – рассмеялась она.

– Обманула, зараза?

– Ага. Хотелось тебе отомстить за пошлости.

– Чума, – покрутил шеей Карен. – У меня чуть сердце грудную клетку не пробило. И еще кое-что кое-где… – Он хохотнул. – Давно у меня таких разговоров не было… Непрактичных. Детство вспомнил. Приятно. Можно я тебя поцелую, Лерка?

– А ничего ниоткуда не выскочит? – с опаской спросила она.

– Не боись. Я уже давно большой мальчик, деловой мальчик, бизнес-мальчик, и «души прекрасные порывы» – как там в анекдоте? «Вот и души», м-да… – у меня

они случаются редко, отчего и на вес золота… Не поверишь, а я прям радуюсь, что еще способен что-то испытывать. Такое нежное, как к тебе… Или ты там в Америке одичала и боишься даже дружеского поцелуя?

Лера молча подставила лицо, гадая, куда он придется. Он пришелся на щеку, хотя и у самого уголка ее губ.

– Ух, – сказал Карен, выравнивая машину, – если ты вдруг передумаешь… В смысле, захочешь… В общем, ты скажи мне… Так что, забиваем стрелку? – сменил он тему. – Как Боб вернется, так я все организую.

Лере был все еще непривычен «новый русский» язык, приблатнившийся, с одной стороны, и самым варварским образом американизированный – с другой. Но она догадалась о смысле фразы о «стрелке».

– Забиваем, Карик… А почему ты зовешь Роберта «Боб», на американский манер?

– А как ты хочешь, чтобы я его звал? Тебя ж я не зову «Валерия», а Лера. Ну а Роберта – Боб. Не Робиком же его называть!

– Тоже верно… Меня просто раздражают американизмы, их стало слишком много в русском! Это неуважение к собственному языку, со стороны очень заметно. И обидно!

– Абыдна, да? – Карен изобразил кавказский акцент. – Ты там, Лерочка, в Америке привыкла думать, что это пуп земли? – усмехнулся он. – Это называется «англицизмы», дитя мое. Американизмами называются отклонения от британского английского в Америке.

– Точно! Ты всегда лучше меня учился, Карик… Скажи, а тебя не напрягло, что все трое умерших в классе сидели рядом?

– Что за ерунда… При чем тут?

…Вера, Верочка, Верик!..

Они устроились на ее кухне – московской кухне , о боже! – и говорили, говорили… О чем – не пересказать, не вспомнить. Так, перескакивали с темы на тему: а помнишь? Шелестели фантики – Вера накупила конфет, которыми они делились в детстве: «Мишка», «Южная ночь», «Коровка»… Лера, наверное, за все годы в Америке не съела столько сладкого, как в этот вечер! Они смаковали коньяк, какой-то «Аист», и Лера даже выкурила до половины сигарету, чтобы вспомнить, как они, подражая известным актрисам, затягивались после уроков на скамеечке в сквере…

В Америке Лера, естественно, почти не пила алкоголь и совсем не курила. И сейчас сигарета ей показалась отвратительной, а коньяк слишком крепким. Но это впервые за неделю ее пребывания в Москве не вызвало у нее раздражения. Напротив – умиление. Горстка фантиков на столе, обжигающие глотки коньяка и даже сплющенный окурок в пепельнице. Голос Верика был таким родным, таким теплым, что Лере хотелось закрыть глаза и подставить под него лицо, как под ласковую струю воды. В душе словно что-то дрогнуло. Дрогнуло, сдвинулось с места, поползло, как ледяная глыба, которая начала подтаивать, оставляя за собой мокрый след слез, выплаканный след горечи и обиды, мучивший ее с момента приезда в Москву…

Уходя от подруги, Лера вдруг ощутила, как прекрасен вечер позднего сентября, как полны московские улицы зрелой неги, почти чувственной… Ей вдруг захотелось увидеть свой старый дом – сейчас, немедленно! До сих пор Лера избегала встречи с ним, боясь новых разочарований, но сейчас она поверила, что дом детства шепнет ей слова о любви…

* * *

Старый дом желтого цвета на Садовом кольце, недалеко от метро «Смоленская». Она пошла к нему знакомой дорогой, стараясь в сто пятый раз не думать о том, что в Москве стало невозможно дышать из-за выхлопных газов, которые плотно висели на Садовом. Тут почти ничего не изменилось, и Лера шла, вглядываясь в морды домов, предаваясь сладостному чувству узнавания…

А вот и он, ее Дом. Ничего, вполне бодренький, старичок! Краску обновили совсем недавно, и он смотрелся молодцом.

Лера свернула во двор. Он, конечно, совсем другой теперь, но это и к лучшему: прекрасная детская площадка, ухоженные газоны… Она встала напротив фасада, подняла глаза. Окна ее бывшей квартиры на третьем этаже. Новенькие, беленькие, пластиковые… Кто там теперь обитает?

Как недавно тут жила она, Лера! Захлопывала дверь квартиры, слетала по лестнице во двор! Играла в прятки, качалась на качелях, съезжала с горки…

…Как-то, когда ей было лет семь, они дворовой компанией решили опробовать новый метод съезжать с горки: на животе. Внизу набросали рыхлую, прохладную кучу песка, и это было немножко похоже на море: плю-юх в нее ногами! Лера вышла в этот день во двор в обновке: мама сшила ей короткий сарафанчик из красного ситца с белыми горохами, с крылышками на плечах, и точно такие же трусы на резиночках, образовывавшие вокруг ножек оборки. Ей очень хотелось съехать с горки на животе, но жалко было отглаженное новое платьице, и потому она колебалась.

«Давай, Лерка, давай!» – кричали дети, и она нерешительно поднялась на горку. Уселась, расправив складки сарафана, и тут сообразила, что нужно ведь на живот лечь! Стараясь не помять обновку, она неуклюже перевернулась, чиркнув ягодицами по бортику, – платьице задралось, и что-то острое с треском оцарапало ее кожу. Но Лера никогда не была плаксой, и ожидавшее ее удовольствие стоило того, чтобы пренебречь какой-то царапиной!

Она лихо съехала, ткнулась в кучу песка, встала на ноги, одернула завернувшийся подол… И вдруг увидела, что на нее смотрят все каким-то странным, напряженным взглядом. И почти сразу же раздался смех. Сначала тихий, он быстро перешел в повальный хохот. Мальчишки тыкали в нее пальцем и сгибались от смеха, девчонки им вторили. Лера покрутилась в растерянности, пытаясь понять причину смеха, и поняла ее, когда что-то защекотало ноги. Она тронула щекотное место рукой: на ноги свисал большой лоскут трусов. Тронув повыше, она ощутила ничем не прикрытую кожу ягодиц…

Вот откуда взялся треск: то рвалась ткань ее трусиков! И, значит… она съехала с голой попой! У всех на виду!

Видимо, ее растерянный вид добавил детям веселья. Она залилась краской. Что-то надо было сделать – уйти хотя бы! Но она стояла в центре круга, а вокруг нее

хихикала и улюлюкала детская толпа.

Неожиданно один мальчишка постарше растолкал малышню, подошел к Лере, взял ее за руку и вывел из позорного круга. Он проводил, помнится, ее до подъезда, прикрывая собой ее тыл, чтобы никто больше не смог увидеть висящий лоскут. Хороший был парень Лешка! Позже они стали дружить. Не то чтоб не разлей вода – в том возрасте каждый год разницы приравнивался чуть ли не к разнице поколений, – но случалось им вместе гулять по окрестным дворам за разговорами… А когда ей было лет четырнадцать, они даже как-то целовались в подъезде…

Но дальше этого дело не пошло. Со временем они стали редко видеться – выросли из дворовых интересов, у каждого образовалась своя компания. Только иногда, встречаясь во дворе, перебрасывались парой слов. И то если не спешили. Где он теперь, интересно? Он тоже вырос – он был постарше на сколько-то лет, помнится…

Лера попыталась восстановить его внешний облик в памяти. У него еще глаза были немного разного цвета, один цвета хаки, а второй светло-карий. И волосы темные, курчавые, жесткие. Как вон у того мужчины, который отпирает свой джип… Наверное, теперь он примерно такого же роста должен быть…

Батюшки!!! Лера сделала несколько шагов в сторону мужчины, всматриваясь. Мужчина стоял у раскрытой дверцы машины и что-то искал в кармане. Наконец он выудил мобильный телефон, набрал номер и бросил пару фраз. Лера замерла, наблюдая за его лицом.

Невероятно – это он, Лешка! Она узнала его не столько памятью, сколько чувством, уловив что-то очень родное, что исходило от него…

– Лешка… – позвала она тихонько, чтобы, на случай если она ошиблась, он не среагировал.

Но он поднял голову. Посмотрел вопросительно. Не узнавал.

– Кисанов?.. – решила она уточнить, чтоб не оставалось сомнений. – Кис, это ты?!

– Да… – Он был удивлен.

Она подошла поближе.

– Я Лера Титова… Валерия, помнишь? Я в этом доме жила… Давно… Ты меня еще Валеркой звал…

– Валерка? – Он секунду всматривался в нее. – Точно. Валерка. Вот это да! Ты совсем не изменилась, ты знаешь?

– Ладно врать-то!

– Ну, выросла немножко, – улыбнулся он. – Красавицей стала. Какими судьбами?

Из подъезда вышел молодой человек и направился к ним. Протянул Леше упаковку памперсов, которую тот забросил на сиденье.

– Валерка, я так рад тебя видеть! Но я тороплюсь, а у тебя как со временем? Может, сядешь ко мне в машину, по дороге поговорим? Подвезу куда-нибудь, скажешь куда…

Лешка ехал в район ВДНХ, и впервые Лера порадовалась московским пробкам: у них оказался практически целый час, чтобы поговорить. Целый час… всего лишь час…

Его хватило только на краткую биографию: рассказать о жизни, прошедшей за эти стремительные и долгие двадцать три года, что отделяли их нынешних от тогдашних. Обо всей взрослой жизни фактически…

Странно, Лера сейчас подумала, что биография есть только у взрослых. У детей ее нет. У благополучных детей, по крайней мере. Может, потому что детям не нужно принимать решения… Но однажды наступает в твоей жизни пора, когда принимать их приходится тебе, именно тебе. Делать выбор. И вот тут начинается твоя биография: история твоих ошибок и удач. История верных и неверных решений…

– Валерка, так куда тебя отвезти? – очнулся Леша, когда уже показались ворота и башенки ВВЦ. – Я бы очень хотел пригласить тебя к нам или в ресторан поужинать – в общем, повидаться еще, обязательно! Но сейчас не могу. Держи мою карточку, а мне свои координаты дай. Ты где остановилась?

Лера продиктовала телефон отеля.

– Ого, ты частный детектив?! – рассмотрела она строгую визитку, выполненную в черно-стальных цветах. – Точно, ты всегда хотел преступников ловить! Ой, Лешка, ты даже не представляешь, как я рада нашей встрече!.. Я не ожидала, я просто так пришла во двор… А ты помнишь, мы стали дружить с того дня, когда я с голой попой съехала с горки?

– Валерка, – он приобнял ее и чуть притянул ее к своему плечу. – Я все помню. Я очень рад тебе. И мы обязательно должны увидеться. Но сейчас, куда тебя отвезти сейчас?

– Если у тебя есть время… Тут недалеко, на Ботанической.

Лешка кивнул и принялся выруливать налево. И только когда показалось здание телецентра и огромная телебашня, она вдруг вспомнила, что Данила живет недалеко от Останкина.

И Лера решила, что это знак. Две сегодняшние встречи, с Вериком и Лешкой, словно насытили ее вопрошающую жажду, примирили ее с Москвой, с Россией, с самой собой…

И с Данилой.

– Леш, извини… Я передумала… Мне на Звездный бульвар надо! Тут рядом. Высади меня вот тут, раз торопишься, я доберусь до места сама!

Они немножко поторговались, но ее доводы о пробках, из-за которых лишних сто метров пути могут ему стоить лишнего получаса времени, взяли верх.

– Я должен отпустить няню, – смущенно сдался он.

– Привет жене и малышам! – крикнула Лера, выбравшись с высокого сиденья джипа.

Адрес Данилы она помнила наизусть. Он жил на Звездном бульваре, а Лера еще в Америке не раз рассматривала карту Москвы – отчасти, чтобы вспомнить город, отчасти, чтобы увидеть перемены. И, конечно же, место обитания Данилы подверглось самому пристрастному изучению.

Она решила не ловить машину, а дойти пешком до Звездного бульвара, к которому должна привести ее улица Цандера. Она шла не торопясь, удивляясь принятому решению и пытаясь обдумать его…

Впрочем, она только делала вид, что обдумывает. На самом деле внутри ее все ликовало при мысли о встрече – и одновременно сжималось от страха.

По дороге попалось кафе, она вошла, присела за столик, заказала кофе. Сердце стучало со странной оттяжкой, словно замирая перед каждым ударом, вызывая холодок на затылке. Какие слова сказать ему? Да и дома ли он?

Мобильного телефона у Леры не было, она оставила его дома, в Америке, предполагая, что в Москве ей некому звонить на мобильный. Данила предлагал ей, у него имелось штуки три, но она гордо отказалась… А телефон-автомат не найти, да и карточка к нему нужна…

В общем, позвонить нельзя, но это, может, и к лучшему. Так их встреча будет честнее, она все сразу поймет по его лицу… Но что же сказать ему, бог мой?

Лера усмехнулась. К вопросу о честности: сама-то она мухлевала! Ему оставляла спонтанную реакцию, тогда как для своей пыталась сейчас, за чашкой кофе, заранее расписать сценарий…

«Нечего! – решила она. – Неожиданность так неожиданность. Для обоих!»

Решительно подкрасив губы в туалете, причесав запылившиеся волосы (сколько же в Москве пыли!!!), она покинула кафе и углубилась в жилой квартал.

…Когда в домофоне раздался его голос – ее отказал. Она молчала, потому что горло сжалось и она не могла выдавить из себя ни звука. Только сердце оглушительно билось: бум, бум…

– Да! Я вас слушаю. Говорите! – через паузы прозвучали его реплики.

Он подождал еще немного и отключился. Лерино сердце разгонялось так, словно шло на взлетную полосу. Непослушным пальцем она снова ткнула в кнопки.

– Да! Кто там?

Потом он умолк. И через некоторое время тихо спросил:

– Лера?..

– Да… – прошептала она.

– Открываю. Четвертый этаж.

…Он ждал ее у лифта. Кажется, она пыталась заготовить слова?.. Напрасный труд, они не понадобились! Он просто молча схватил ее и утащил в квартиру. А там, в полутьме прихожей, прижал ее к себе так сильно, что ей пришлось попросить пощады…

– И не надейся, – ответил он. – Пощады не будет…

…О чем она думала все эти дни? Она их просто потеряла, бездарно потеряла – без его любви!

Потерянное время они наверстывали в рекордном темпе. Сколько прошло – сутки? Двое?

Во всяком случае, когда Лера наконец некоторым усилием сознания поняла, что жизнь несколько шире, чем их кровать, она съездила в гостиницу за вещами и перебралась к Даниле.

…В гостинице ей сообщили, что в течение двух дней ей безуспешно дозванивался господин Карен Саргосян. Она набрала его номер.

– Лерочка, где пропадаешь? У нас на завтра назначена встреча с мужиками – Боб, Костька, Димка, все придут! А у меня все еще нет от тебя подтверждения!

Хорошая вещь – риторические вопросы! Замечательные такие вопросы, не нуждающиеся в ответах! Не то бы она очень затруднилась объяснить Карену, где именно она пропадала.

– Ох, Карен…

– Я смотрю, ты не из гостиницы звонишь… Ты где?

– Я? У… у друзей…

– Ага, – усмехнулся Карен, уловив вибрации ее голоса. – Что-то мне подсказывает, что имеет смысл запомнить этот номер. Ну, записывай адрес. Это совсем рядом с метро «Добрынинская», там отличный тихий армянский ресторан, а кухня – вместе с пальцами съешь!

* * *

…Как она жалела сейчас, что не вняла совету Данилы и не обзавелась русским мобильником! Бесплодно просидев в ресторане целый час, тупо заказывая то кофе, то сок, она так никого и не дождалась! И уехала домой, крайне раздосадованная. В России как опаздывали повсюду во времена СССР, так и теперь опаздывают! И что на их дворе уже давно другой век – век бизнеса, век рыночных отношений, который требует точности и дисциплины, – здесь никому невдомек! Потому что слишком легко им деньги достались, и не знают они цены ни деньгам этим, ни времени!

Лера вспоминала всех русских нуворишей, виденных ею в Америке и в Европе, и делала гневные обобщения.

– Тебе звонил Карен, – встретил ее Данила на пороге. – Просил перезвонить. Он оставил номер, сейчас тебе дам.

– У меня есть, – буркнула Лера.

– Что-то не так?

– Никто не пришел на встречу… Знаешь, я, наверное, стала слишком западной. Я не в состоянии не только прощать подобную необязательность, но даже и понимать ее!

– Позвони сначала, – мягко ответил Данила. – Мало ли что могло приключиться.

…Позже Лера не раз думала, что той своей раздраженностью и ворчанием она просто пыталась отогнать от себя дурное предчувствие.

– Костя скоропостижно скончался, – глуховато произнес Карен. – Как ты понимаешь, я не мог приехать на нашу встречу. Меня срочно вызвала его жена, Лена…

– Конечно, Карик, о чем речь…

– Ты сколько пробудешь в Москве? Я все же очень хочу тебя повидать… И Боб с Димой тоже.

– Мы обязательно встретимся, – заверила его Лера. – Я здесь еще три недели пробуду, не меньше… А что случилось с Костей?

– Не знаю. Предположительно инфаркт.

– Мои соболезнования, Карик. Это все-таки был твой друг.

– Я тебе позвоню, Лер. Как только смогу.

Данила сидел у компьютера, что-то читал на экране.

– Ну, все разъяснилось?

– Почти.

Он повернулся к ней.

– «Почти»? И что осталось в осадке?

– Костя скоропостижно скончался. Сегодня.

– Это один из тех, кто должен был прийти сегодня на вашу встречу?

– Да.

– Я завтра же куплю сим-карту и дам тебе свой мобильник, чтобы больше не возникало подобных недоразумений!

– Данила, он четвертый…

Она, конечно, рассказала ему, как жила в Москве первую неделю без него. И о своих телефонных звонках, и о встрече одноклассников, о старосте Мише, Юре Стрелкове, Карене… И, конечно, о Верике, Лешке Кисанове и доме своего детства.

– Лер, если посмотреть статистику смертей за день только по Москве, то ты увидишь, что…

– Погоди.

Она залезла в шкаф, туда, где Данила отвел для нее полки, и через тридцать секунд положила перед ним большую фотографию класса.

Костя сидел на второй парте рядом со Славой Зюбриным. Четвертым в ряду у окна.

– Вот он, – указала Лера ноготком. – А теперь смотри: раз, два, три, четыре… Они умерли все подряд! Ты все еще думаешь, что это случайное совпадение?

Данила помедлил, прежде чем ответить.

– Это, конечно, настораживает… Тем не менее пока не является основанием для подозрений. Вот если бы все они были убиты , тогда другое дело. Отчего умер Костя?

– Предположительно инфаркт.

– Вот видишь.

– Предположительно , Данила!

– Ну, допустим, медики не заметили пулевое ранение у него во лбу, – усмехнулся он. – Но тогда все остальные тоже должны были иметь пулю в какой-нибудь части тела. Или яд, или нож, не знаю. А в таких случаях обычно говорят «убит» или «погиб», а не «умер».

– Может, людям не хотелось посвящать меня, неизвестно откуда взявшуюся чужачку, в такие подробности? Надо попробовать это выяснить. Я попробую…

– Как?

– Обойду все эти семьи. Это не то же самое, что спрашивать по телефону.

– Лер, а зачем тебе это нужно? Ты приехала ненадолго, скоро снова уедешь… В детектив поиграть захотелось?

В ответ она постучала ноготком по фотографии, лежавшей на столе.

– Что ты имеешь в виду?

– Не что, а кого, – ответила Лера. – Посмотри, – и она отодвинула ноготь с чьего-то лица.

На третьей парте в ряду у окна, сразу за четырьмя погибшими, сидела сама Лера!!!

Она видела, как он сжал скулы. Но ничего не сказал, только предложил заняться ужином. И только когда тарелки были уже убраны, Данила, приобняв ее, сказал тихо:

– Совпадение, конечно, странное, но предположить, что кто-то убивает одноклассников, сидевших друг за другом в одном ряду, – еще страннее. Сама подумай, звучит совершенно бредово! А насчет совпадений, так вспомни: ты начала обзвон своих одноклассников и первым же делом попала подряд на трех умерших. На трех подряд – из тридцати учеников класса! Хотя ты могла начать с других и даже вовсе не дойти до погибших! Ты же не можешь утверждать, что это не совпадение!

И Лера была вынуждена согласиться с ним. Это логично. Это ощутимо доказывало, что совпадения случаются, даже самые странные… Но тревога не отпустила ее, и, даже засыпая на руке Данилы, она думала об этом, и перед глазами стояли две первые парты в ряду у окна, за которыми сидели четверо недавно, один за одним, умерших одноклассников…

* * *

На следующий день Лера дозвонилась до старосты Миши и договорилась встретиться, чтобы вернуть ему фотографии, которые она уже пересняла. Между делом Лера попросила список всех адресов и телефонов класса, сославшись на свою ностальгию.

Миша был рад ей услужить и пообещал даже внести в когда-то составленный список исправления и уточнения: для Леры он-де постарается и прозвонит всех, кого только найдет!

Пока же Лера решила, не теряя времени, навестить родителей Славы Зюбрина. Она хотела убедиться, что ее тревога не имеет оснований и все это действительно хоть и редкое, но совпадение!

…Разговор был тяжелым. Его мать плакала, обнимая Леру, словно та своей причастностью к школьному детству сына могла вернуть ей Славика….

– Вы сказали, что он умер от инфаркта, – осторожно проговорила Лера, боясь ранить пожилую женщину лишними расспросами. – А как же это случилось? У него было больное сердце?

– Никогда, никогда он не жаловался! Но врачи сказали: так бывает… Сердце вдруг взяло и отказало…

– Он умер в больнице? Дома?

– Дома… Жена его нашла. Уже поздно было врачей звать…

– Вы меня простите, пожалуйста… Но я хотела бы уточнить: никаких следов насильственной смерти аутопсия не выявила?

– Насильственной смерти?! Бог с вами, деточка, нет! Что за вопрос странный? Инфаркт у Славика приключился…

– И когда это случилось?

– Два месяца тому назад…

«Инфаркт, – думала Лера, выходя из квартиры родителей Славы. – И никаких признаков насильственной смерти! И Карен сказал: у Костика инфаркт. Значит, все остальное – мои домыслы!»

И все же она решила навестить супругу спившегося Толи Трубачева. Ну, чтобы уж совсем не сомневаться…

Его, как и Славу, Лера помнила несколько смутно. Они входили в Компашку, но так как-то, на орбите. Примкнули, что называется. Пригрелись под лучами Юркиной популярности, а тот их не гнал, они играли роль свиты при нем. Лера помнила, что они пытались подражать Юре, но их шутки были лишены блеска, их высказывания – мысли, их поведение – артистизма и провокации.

Тем не менее их объединяло привилегированное социальное положение. Точнее, их родителей, разумеется. Посему Лера удивилась бедной квартире и запущенной женщине, вдове Андрея.

Впрочем, очень скоро она поняла, что Толя все пропил . Свое привилегированное положение, свои скромные таланты и родительские деньги.

Наташа – так звали его вдову – приняла Леру с каким-то странным сочетанием симпатии и в то же время раздражения. Словно, с одной стороны, ей хотелось поговорить с ней о своей жизни, а с другой – словно Лера, будучи знакома с ее мужем еще в школе, оказалась ответственна за его тягу к алкоголю.

Впрочем, Лера такую черту уже наблюдала в своих русских приятельницах в Америке. Когда у них что-то не ладится, а при этом у Леры все в порядке, их тон приобретает странный оттенок обвинительности. Словно она то ли должна им что-то, то ли виновата перед ними тем, что у нее дела лучше…

Но как же им не быть лучше, если она вышла замуж по любви (а не ради переезда в Америку)? И если у нее эта любовь длилась долгие годы и муж всегда отвечал ей взаимностью? И если дела мужа шли в гору, потому что к его собственным амбициям существенно добавлялось желание добиться успехов для нее, для Леры, для любимой жены? Это ведь какой мощный стимул для мужчины – любимая жена!

И разве Лера виновата в том, что они сделали неверный выбор? Что они за «грин кард» вышли замуж… А теперь у них все плохо?

Теперь же вроде бы и ситуация была иной, но Лера ясно ощутила в словах Толиной вдовы похожий упрек: вам-де хорошо, а мне плохо!

– Вы не знаете, что такое жить с алкоголиком! Вы не знаете, что такое подтирать его рвотные лужи!

Лере хотелось ответить: «И знать не хочу! Это ты, милая, вышла замуж за алкоголика, чего бы я никогда не сделала! На что польстилась? На положение его родителей? Ну, так что ж теперь жаловаться, это твой выбор, голубушка!»

Но она постеснялась произнести столь резкие слова вслух. Да и на конфликт не хотелось идти: она еще не все узнала.

Наташа меж тем продолжала ее грузить:

– Все деньги пропивал… С работы уволили… Родители его видеть не хотели, отказали от дома…

Лера наконец вставила в поток ее излияний первый из тех вопросов, ради которых пришла сюда:

– А отчего же Толя умер, а, Наташа?

– Спился, сволота! Сердце отказало.

– Отказало? Инфаркт?

– Ну да.

– Диагноз точный?

Наташа удивилась:

– А что, по-вашему, ему водку кто в глотку влил, что ли?

– Я имею в виду, никаких следов насилия?

– Что его кто-то трахнул?!

Лера поморщилась. До чего же сузился русский язык за последнее время! Слово «насилие» понимается исключительно как сексуальное, хотя оно означает всего лишь применение силы… Как и слово «возбуждение», она заметила, – теперь его и произнести нельзя, сразу заподозрят за ним сексуальный смысл… Странно, как меняется язык.

Или менталитет?..

– Нет, конечно. Я имела в виду следы насильственной смерти, извините…

– Да кому он нужен, убивать его? Никчемный как жил, так и помер…

– Инфаркт при вас случился?

– Какое! Я ведь за двоих вкалывала, на полторы ставки работала!

– И кто обнаружил его тело? Где?

– Я же и обнаружила. С работы вернулась – лежит… Уже и «Скорую» поздно было вызывать… А чего это вы расспрашиваете?

Лера смутилась. Рассказать этой простоватой Наташе о своих сомнениях? Не поймет.

– Я просто удивляюсь, что молодой мужчина так скоропостижно умер… – ответила она. – Даже для алкоголика рановато, мне кажется…

Она врать не умела и чувствовала себя очень неловко. Казалось, что каждое ее слово звучит фальшиво. Но Наташа фальши не уловила.

– Это смотря как пить, – усмехнулась она.

– Когда Толя скончался?

– Да вот уже почти месяц, как я дышу, – ответила Наташа. – Он в начале сентября умер. А чего это вы интересуетесь все-таки?

Лера прибегла к уже отработанному приему: сослалась на ностальгию и всякие прочие сантименты, связанные со школьным детством, и поспешила покинуть вдову.

С Данилой она столкнулась у подъезда: он возвращался с работы. Он прижал ее к себе, радуясь встрече, а ей вдруг стало больно отчего-то… Может, потому, что она поймала себя на ощущении, словно возвращается домой ? Но это домой сочеталось только с ним, с Данилой, а никак не с его квартирой… Тесная московская хрущевка – Лера прощала ее лишь потому, что тут жил он, Данька. И то прощала ее незадачливое существование в качестве своего временного пристанища. Она слишком привыкла к большому пространству своего дома под Вашингтоном, и теснота этой квартирки ее могла бы задушить, если бы она хоть

на миг представила, что это действительно ее дом .

Наверное, во всем этом была какая-то нестыковка, даже, может, какая-то нечестность… По ее разумению, – тому разумению, которое сложилось в совсем юные годы, когда она влюбилась в своего будущего мужа, – любить – значит принимать все! А она делила, отделяла, разделяла свои чувства… Данилу – от его квартиры. Любовь к нему – от совместного быта. Но разве так бывает, когда любишь?!

Или это не любовь?

Господи, скажите мне кто-нибудь, что такое любовь! И что происходит со мной!!!

С другой стороны, и он не приглашал ее занять конкретное место в его жизни – со всем его малоустроенным бытом.

Не смел?

Не хотел?

Как мало мы знаем об отношениях между мужчиной и женщиной, когда они не стремятся создать семью и нарожать детей! Когда ими движет не инстинкт, а свободный выбор…

СВОБОДНЫЙ! Как красиво звучит. Но в нем-то все и несчастье… Мы не умеем быть свободными, мы от свободы дуреем. И перестаем понимать, чего же мы хотим…

* * *

– Дань, помоги мне! – сказала она за ужином. – У Андрея Исаева страшно ревнивая жена, она не станет со мной разговаривать! А если бы пришел к ней ты, с твоим обаянием…

– Лер, но я же не одноклассник!

– Но она этого не знает! Что тебе стоит сделать вид?

Он посмотрел на нее, и Лера поняла, что он согласится, хотя ему это претит.

– Давай инструкции.

– Позвони ей, я тебе дам номер. Скажи, что одноклассник, что собираешь информацию обо всех, – ну, например, делаешь сайт… Сейчас их уйма развелась в интернете. И договорись о встрече. Все, что я хочу узнать, это диагноз и дату…

И он сделал это. Он позвонил, договорился и сходил к ревнивой вдове Андрея Исаева. И принес Лере информацию: диагноз – инфаркт.

Ин-фаркт…

Не слишком ли много инфарктов?!

– Когда? – спросила Лера.

– В августе. Месяц назад. Лер, ты же видишь, никаких признаков насильственной смерти! Инфаркт! Это не убийство…

– Данька, ты говорил, что детективы читаешь?

– Да. Хотя больше люблю фантастику.

– То-то и оно… Существуют такие лекарственные препараты, которые способны вызвать инфаркт. Агата Кристи описала: дигиталин, например…

– Лер, ну почему ты думаешь, что тут непременно должен быть криминал? Ты детективов перечитала, ей-богу…

– А вот почему… – Лера снова водрузила фотографию на стол. – Смотри: первый – если считать справа налево, – сидит Слава Зюбрин. И он умер от инфаркта в июле, около двух месяцев назад. Рядом с ним сидит Андрей Исаев. Ты был сегодня у его жены, и она сказала…

– Что Андрей умер от инфаркта…

– Да, причем в августе. И он второй по счету. А третий, Толя Трубачев, – и он сидит третьим, видишь, на парте сразу за ними? И умер он тоже от инфаркта – в начале сентября. Понимаешь?

– Порядок мест в классе соответствует смертям?

– В том-то и дело… И последний Костя, вчера. Он, видишь, сидел рядом с Толиком. И тоже инфаркт. И у нас конец сентября.

Данила помрачнел. Потом шумно вздохнул и заграбастал ее к себе. Она, повинуясь его жесту, перебралась к нему на колени, прижалась к его груди, и следующий шумный вздох уже путался в ее волосах, обдавая теплом шею, а потом…

…А потом наступило утро.

Лера полдня провалялась в постели, обнимая Данькину подушку. Она пахла им, им и его одеколоном, словно он, уйдя на работу, оставил ей в залог этот запах. Она думала о странных их отношениях, в которых ей ничего от Данилы не надо, и в то же время существовать без него невозможно… То есть, наверное, возможно, но плохо. Очень плохо существовать без него…

И еще она думала о двух первых партах и о четырех своих одноклассниках, сидевших за ними. Если считать слева направо, то порядок смертей соответствовал расположению за партами. Почему?! Это случайность? Но разве бывает так много случайностей?

А если нет… То надо исходить из гипотезы, что инфарктам помогли случиться ! Как любитель детективов со стажем Лера точно знала, что до инфаркта можно и намеренно довести. Хоть тот же дигиталин, о котором писала Агата Кристи. А сколько других медикаментозных средств вышло на рынок со времен сочинительства бабушки детектива?

Иными словами, эти смерти есть не что иное, как убийства!

Но и в это было трудно поверить. Зачем??? Кому понадобилось убивать этих ребят, которые уже давно перестали общаться между собой? И за что? Может, какой-то псих? Или кто-то им за что-то отомстил?

И закончен ли список смертей?.. Ведь Лера сидела следующей, на третьей парте в ряду у окна… Если это псих, решивший методично истребить свой бывший класс, то он теперь до нее доберется!!!

«Стоп, – сказала она себе. – Тут промелькнуло одно слово, какое-то важное слово… Да, вот оно: «свой бывший класс». Кем бы ни оказался убийца, он должен быть из нашего класса!!!»

Эта мысль выдернула ее из постельной неги.

– Карен? Мы можем встретиться сегодня? Ну, скажем, через полтора часа?

– Конечно. Я пришлю за тобой машину. Диктуй адрес…

Она буквально слетала в душ, выпила кофе, оделась-причесалась-подкрасилась и вскоре входила в роскошный офис Карена в центре города.

– Обеденное время, – сказал он, когда Лера появилась в его кабинете. – Пойдем поедим. Ты ведь мне что-то сказать хочешь, угадал? Ну, за обедом и поговорим…

– …Вот так, Карен. Только не говори, что я сошла с ума, – закончила Лера свое повествование.

Он отодвинул от себя тарелку, положил на нее вилку и нож, вытер рот салфеткой, скомкал ее и бросил на стол. И все это не сводя с Леры своих черных влажных глаз. Полные губы его дрогнули, но так и не сложились в улыбку. В детстве, в школе, лицо его было очень подвижно, Лера помнила; теперь же оно отяжелело вторым подбородком, налитыми щеками, и на нем, казалось, только и жили глаза и губы.

– Не говорю, – сказал он. – Но чего ты хочешь? Что предлагаешь?

– Костю когда хоронят?

– Завтра.

– Значит, тело еще в морге?

– Видимо.

– Добейся, чтобы судебно-медицинский эксперт… Я правильно сказала?

– Правильно.

– Чтобы он осмотрел еще раз тело!

– В поисках чего, Лера?

– Причины инфаркта.

– То есть? – нахмурил черные брови Карен.

Лера отчего-то постеснялась говорить Карену про свою любовь к детективам и про вычитанный у Агаты Кристи дигиталин.

– Карик… Ты просто скажи ему, что у тебя есть основания подозревать, что инфаркт был спровоцирован. Возможно, введением какого-то лекарственного препарата. Пусть поищет в крови, я не знаю…

Карен подумал.

– Хорошо. Я для тебя это сделаю. Заплачу ему, пусть ищет.

– Ты не веришь мне, да?

Карен только сделал жест рукой: замолчи, мол! Он уже прижал к уху телефон и выспрашивал у Лены, Костиной вдовы, в каком морге находится тело.

– Какая разница, Лер, верю я тебе или нет? – произнес он, закрывая телефон. – Ты в сомнениях; они тебя пугают. Мое дело либо их развеять, либо подтвердить. Это минимум, который я могу сделать для тебя. И, знаешь, я бы предпочел первый вариант.

– Я тоже… Только боюсь, что…

Но Карен уже договаривался с моргом, обещая подъехать через час.

Лере он позвонил поздно вечером, точнее около полуночи. Данила недовольно выпустил ее из своих объятий. Она долго копалась в груде их одежд, пока не отыскала мобильник в кармане своего пиджачка. И затем молча выслушала то, что сказал ей Карен.

Данила протянул ей руку, помогая забраться в кровать.

– В крови ничего не нашли… – произнесла Лера, положив голову ему на грудь.

– Вот видишь! – Данила запустил пальцы в ее волосы.

– Но зато нашли след от укола на его руке…

– Надо сообщить в милицию, я думаю, – произнесла Лера за завтраком. – Если бы не мой приезд, то никто никогда бы не связал эти смерти между собой. Но теперь очевидно, что это неспроста! И милиция должна об этом знать! Пусть объединят эти дела и поищут причины инфарктов!

Данила странно посмотрел на Леру, снизу вверх – он ел яичницу, – и в его серых глазах засветилось удивление.

Лера смутилась.

– Ты не находишь эти смерти подозрительными? Тебе кажется, что я все сочинила, да?

– Лер… Какая же ты иностранка, на самом деле…

Таким тоном говорят: «Какая ты маленькая!»

– Почему?..

– Милиция – это не ваша полиция. Никто ничего делать не станет.

– Но я напишу заявление с просьбой расследовать! Они же должны…

– Иногда демократическое мышление трогательно до слез, – усмехнулся Данила. – Неужто ты думаешь, что кто-то начнет искать причины? Доставать из земли трупы…

– Эксгумировать, – подсказала образованная на детективах Лера.

– Вот-вот, эксгумировать и искать это лекарство в крови…

– Да и не получится. Дигиталин быстро разлагается. Если, конечно, пользовались именно им…

– Дело не в том, Лер! Просто никто не станет этим заниматься. Не станет, понимаешь?

– Но ведь имеются достаточно веские причины для того, чтобы заподозрить убийства! И возбудить дело. Почему же никто не станет, объясни?

– Потому что до сих пор это были мирные разрозненные покойники, умершие своей смертью, а тут они превратятся в никому не нужное, сложное дело по серийным убийствам, или как там у них называется. Со всеми шансами на «висяк». Или «глухарь».

– Это что?

– Так у нас в фильмах следователи выражаются… В смысле, что нераскрытое «глухое» дело испортит отчетность, «повиснет».

– Так пусть раскроют… – упавшим голосом проговорила Лера, уже понимая, что это отчего-то невозможно, хотя все еще не могла понять, отчего именно.

Данила поднялся – завтрак он закончил, пора было уходить на работу.

– Я не хочу, чтобы ты получила еще одну дозу отрицательных эмоций, Лер… – Он притянул ее к себе, поцеловал в макушку. – Не обращайся никуда, мой тебе совет. К тому же ты американка… На все твои доводы они только отмахнутся.

Данила взялся за ручку двери.

– А ты? Ты тоже отмахиваешься, да? – с обидой проговорила она.

– Я только здраво смотрю на вещи. Ты время потеряешь впустую, нервы себе потреплешь… К тому же я не хочу, чтобы игра в детектив отнимала тебя у меня.

Дверь за ним закрылась.

«А если очередь дойдет до меня? – обиженно думала она, оставшись одна. – Тогда что ты скажешь, Даня, если меня у тебя отнимут навсегда ?!»

Драматическая интонация собственного восклицания произвела на нее впечатление, и на глазах показались две скромные слезинки.

«Неужели это не звучит убедительно: четыре человека умерли в порядке тех мест, которые занимали за партами одного класса? Неужели этого не достаточно, чтобы насторожиться? И даже забеспокоиться? Или им нужна пятая смерть, чтобы поверить в ее неслучайность?!»

Лера смахнула слезинки, толку в них никакого не было. Куда больше ей нравилось думать и рассуждать.

Пятая смерть… Лера прекрасно знала, кто сидит пятым, на третьей парте, но снова положила перед собой фотографию класса: она, Лера!

И ее соседка, шестая по порядку, Вера.

Она позвонила Юре.

* * *

Он не сразу согласился с ней встретиться. Он-де всею бы душою, но занятость и неотложность дел не позволяют! Тон его был холодноват, и Лере подумалось, что он тем самым хочет подчеркнуть высоту своего положения, чтобы она получше оценила его жест: он снизошел до них всех, приехав на классную встречу. Или он снизошел до нее, до Леры?

Ей было решительно все равно, что он там хотел ей продемонстрировать, Юрочка Стрелков, и положение его ничуть ее не занимало. Но разговор этот был ей необходим, и следовало каким-то образом на нем настоять, хотя ей не хотелось формулировать по телефону столь щекотливое дело. Наконец она решилась и намекнула, хоть и туманно, на некое трагическое происшествие, которое хотела бы с Юрой обсудить.

Тон его мгновенно изменился, сделался участливым. Лера с изумлением прислушивалась к бархатным переливам: ни дать ни взять депутат, отвечающий на чаяния народа! Ну что ж, подумала Лера, в школе у него была одна маска, теперь их много, только и всего. А уж таланта Юре не занимать…

На следующий день Юрин лимузин подобрал ее у метро и повез куда-то за город.

– На дачу? – спросила Лера.

– Нет. У меня там сейчас семья… – В голосе Юры проскользнуло недовольство, и Лера не знала, относится ли оно к ней или к семье. – В один хороший ресторан едем. Увидишь, как у нас в России принимают дорогих гостей!

Лера повернулась к нему в надежде уловить былой отблеск иронии, который раньше придавал оттенок шутки и насмешки всему, что бы Юра ни говорил. Эта интонация позволяла предположить, что ирония Юры отчасти относится и к самому себе, что и составляло силу его обаяния…

Но нет, лицо его было серьезно и даже хмуро. И только в ответ на взгляд Леры что-то прежнее мелькнуло в глубине его глаз. Мелькнуло и сразу спряталось. С прежним Юрой Стрелковым было покончено усилиями нынешнего Юры Стрелкова, теперь он относился ко всему серьезно. И в первую очередь к самому себе…

В ресторане, стилизованном под русскую избу, только непомерных размеров, Юру хорошо знали. Улыбаясь и чуть не приседая на ходу, провели их с Лерой в «кабинет» – отдельный маленький зальчик на втором этаже, где в отличие от деревянных лавок общего зала стояли удобные мягкие кресла вокруг довольно большого стола, покрытого красной с вышивкой скатертью. Челядь в национальных русских костюмах бросилась прислуживать. Две женщины в сарафанах с искусственными белыми синтетическими косами из-под кокошника усадили дорогих гостей чуть не под руки; кинулись расправлять несуществующие морщиночки на скатерти и салфетках; подали меню, услужливо раскрыв лубочный переплет перед гостями; принесли две стопочки холодной водочки и грибочков: «Добро пожаловать!» Мужчина в русской рубахе стоял в почтительной позе, присогнувшись, с блокнотом в руках, ожидая, пока дорогой гость изволит озвучить свои пожелания.

Лера смотрела во все глаза. Эта услужливость вызвала в памяти половых из русской литературы, которые ей всегда казались художественным преувеличением, карикатурой. Ан нет, подобострастие так и лилось из преданных глаз обслуги…

В Америке с подобным Лера никогда не сталкивалась, но, с другой стороны, в Америке она никогда не ходила в ресторан с известными политиками. Впрочем, у американцев очень развито чувство собственного достоинства, и вряд ли они стали бы так стелиться даже перед самим президентом.

Да вот и с Кареном она такого не замечала, хотя его, наверное, можно было вполне назвать «новым русским» – образ-страшилка для Запада с мафиозными замашками, сорящий деньгами на ходу. Однако его в ресторане встретили по-приятельски – уважительно, но без подобострастия…

Пока Лера раздумывала об этом, Юра что-то заказал, не спросив ее, только уже потом, когда официант ушел с заказом, сообщил ей с широкой улыбкой:

– Я решил тебя угостить нашими русскими блюдами! Такого ты никогда не ела, уверяю!

Лера не любила, когда ее угощают, не спросясь. В Америке она вообще привыкла к тому, что мужчина угощает женщину исключительно в тех случаях, когда за ней ухаживает, иначе же каждый рассчитывается за себя; и потому в Москве она норовила повсюду заплатить свою долю, что русскими мужчинами, в каких бы отношениях она с ними ни состояла, с негодованием отвергалось.

Все это было довольно обременительно, но спорить еще обременительнее, и оттого Лера лишь вежливо улыбнулась на гастрономическо-патриотическое сообщение Юры.

В ожидании заказа она хотела было начать разговор, ради которого и пришла сюда, но Юра остановил ее жестом:

– Пусть сначала все принесут и свалят. Лишние уши ни к чему.

– Ну, знаешь, если кому надо, то и у двери подслушают, – усмехнулась она.

– Под дверью стоит мой охранник. А этот кабинет, – Юра обвел рукой зальчик, – регулярно просматривается моими людьми на предмет «жучков». И хозяин этого ресторана знает: чуть что, и он потеряет не только свой бизнес, но и право приближаться к Москве ближе чем на сто километров…

Лера помрачнела. Ей решительно не нравилось то, что говорил Юра. За его словами ясно просматривалось превышение служебных полномочий, столь сурово наказываемое в Америке, а он, кажется, не только не стесняется этого, но и бравирует…

Разумеется, говорить ему об этом она не стала: не для того она встретилась с Юрой, чтобы обсуждать особенности его менталитета, прямо скажем.

– А отчего ты такой секретный стал?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Уж не в президенты ли метишь? – хмыкнула Лера.

Внесли несколько блюд с пирогами, дорогой рыбой, икрой.

– Это тебе не гамбургеры трескать! – кивнул на блюда Юра.

– Нет, вы все тут спятили! Спятили, и все тут! Во-первых, у нас очень многие ведут здоровый образ жизни, куда более здоровый, чем в России! А во-вторых, что вам так далась эта несчастная Америка? Что вы с ней все тягаетесь? Застарелый советский комплекс «догнать и перегнать»? Или это твой политический конек? В таком случае за тобой пойдут одни идиоты!

– Видишь ли, Лерочка, – Юра усмехнулся и на секунду стал прежним, – при подсчете голосов интересует только их количество, а не умственные способности голосовавших. А количество идиотов столь велико, что тот, кто желает стать популярным, должен ориентироваться именно на них… Что ты будешь пить? Шампанское?

– Воду.

Она подумала и добавила, вложив в малозначащую фразу все свое несогласие с поведением Юры:

– Шампанское подают к десерту, к твоему сведению! А не к соленой рыбе!

– Это у вас там к десерту, – отрезал Юра. – Мы тут свободные люди, когда хотим, тогда и пьем. И деньги не жалеем, заметь! Чего не скажешь о твоих новых соотечественниках.

– Знаешь, Юра, ты раньше лучше был! – не выдержала Лера. – Хоть и циником, но с чувством юмора! Ты ко всему относился словно к шутке. А сейчас… грузишь ! – выпалила она недавно усвоенное ею новое словечко.

Юра расхохотался.

– А ты осталась такой же честной, как была, Лерка! Это приятно… Жизнь тебя пощадила: тебе не пришлось жертвовать своими принципами, что отрадно.

– А тебе разве пришлось, Юр? Разве у тебя когда-нибудь были принципы, чтобы ими жертвовать?

– Ты прелесть, – ответил Юра. – Давай я тебе отрежу кусочек вот этого дивного пирога. Его готовят по старинным рецептам, оцени!

Надо признать, что пироги были действительно на редкость вкусны. Юра все ухаживал за Лерой, как за маленькой: намазывал икорку на блинчики, поддевал вилкой прозрачные ломтики дорогих копченых рыб и подкладывал ей на тарелку до тех пор, пока она не взмолилась.

Несколько раз Лера пыталась заговорить о деле, ради которого встретилась с Юрой, но тот отшучивался и предлагал не портить трапезу серьезными разговорами.

– Ты у меня в гостях, Лера, я, можно сказать, отвечаю за твое настроение и пищеварение!

Лера была раздосадована. Юра стал куда примитивнее, опростился – намеренно? Чтобы быть ближе «к народу»? Его прошлый, еще детский имидж оказался непрактичным? Он был слишком блистателен, на несколько голов выше всех – и своей потрясающей эрудицией, и своим презрением, и своим юмором… И теперь испугался, что «страшно далеки они от народа»? Избиратель не поймет? Ставка на «идиотов»? И теперь он усвоил манеры доброго барина, который время от времени братается с народом и разглагольствует о «национальной русской идее»? Определить которую по существу весьма затруднительно, но зато очень сподручно о ней трепаться в противопоставлении «врагу», все той же Америке?

При том что Россия все больше уподоблялась ей – и агрессивностью политического тона, и той ролью, которую играл в политике государства военно-промышленный и нефтяной комплексы, и дешевым патриотизмом, и непомерно вознесенной на щит религиозной моралью…

Впрочем, какое ее дело? Что ей с того?

– Так о чем ты хотела со мной поговорить? – спросил наконец Юра, отодвинув от себя пустую тарелку.

– Умер еще один наш одноклассник, Костя Панин, помнишь его?

Лера достала из сумки последнюю фотографию десятого класса.

– Ты хочешь, чтобы я прислал венок на его похороны? – хмуро сострил Юра.

– Смотри: раз, два, три, четыре, – проигнорировав его шутку, указала Лера ногтем мизинца на лица. – Все они умерли один за одним. И ровно в том порядке, в котором сидят за партами.

Юра погрузился в молчание, уставившись в снимок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Рунет – русский интернет.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-garmash-roffe/uyti-nel-zya-ostat-sya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить